

XXXVII годъ изданія.

XXXVII годъ изданія.

ТВЕРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

18 Февраля 1913 года.

Тверской кафедральный соборъ.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ.

Годовая цѣна:

Безъ пересылки 4 р. 50 к.

Съ пересылкою 5 р. 50 к.

№ 8.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Епархіальныхъ Вѣдомостей и у
мѣстныхъ благочинныхъ.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ

Распоряженія Епархіального Начальства.

„Тверская Духовная Консистерія слушали: Отношеніе Комитета по постройкѣ храма во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго въ Москвѣ въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, отъ 8 января сего года за № 68, объ оказаніи содѣйствія къ успѣшному производству сбора, имѣющаго быть 17 февраля, въ пользу означеннаго общества. **Приказали** и Его Высокопреосвященство утвердилъ: Предписать настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей и настоятелямъ церквей епархіи произвести 17 февраля сего года за богослуженіями церковный сборъ въ пользу Комитета по сооруженію храма во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго въ Москвѣ, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и для болѣе успѣшнаго его производства предъ началомъ сбора произнести соотвѣтствующія поученія“.

На семь отчетъ резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 6 Ноября 1912 года, послѣдовала таковая: „Смотрѣно; объявляется моя искренняя признательность Совѣту Братства, а также организаторамъ и участникамъ религіозно-нравственныхъ чтеній за ихъ усердные и полезные труды“.

Архіепископъ *Антоній*.

О Т Ч Е Т Ъ

Ржевскаго Братства Святаго Креста Господня за 1911—1912 годъ. (14 сент.—14 сент.).

I. Дѣятельность Братства.

Второй годъ существованія.

Дѣятельность Ржевскаго Братства Св. Креста Господня за второй истекшій годъ его существованія тѣсно примыкаетъ къ дѣятельности предшествующаго года. Большая часть начинаній и мѣропріятій Братства, предпринятыхъ въ предшествующемъ году, была продолжена и въ отчетномъ. Но годичный опытъ дѣятельности далъ возможность Совѣту Братства провѣрить успѣшность его дѣятельности, болѣе приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ и запросамъ населенія, узнать болѣе насущныя потребности его и такимъ образомъ съ большею увѣренностію и плодотворностію предпринимать мѣры къ осуществленію намѣченныхъ уставомъ задачъ Братства.

Къ сожалѣнію, Совѣту Братства, какъ и въ первый годъ его существованія, приходилось встрѣчаться со многими препятствіями, затруднявшими развитіе его дѣятельности. Главнымъ и постояннымъ тормазомъ для успѣшной дѣятельности Братства являлось по прежнему неимѣніе пригоднаго помѣщенія для выполненія задачъ Братства: для чтеній, продажной и бесплатной библиотекъ, слѣвокъ, собраній Братства и Совѣта его и проч. Однако

Совѣтъ Братства, насколько представлялась возможность, старался преодолѣть встрѣчавшіяся препятствія и не дать заглохнуть народившемуся высокой важности дѣлу. И если нельзя назвать дѣятельность Совѣта исчерпывающей всѣ задачи Братства, то нельзя отказать Совѣту Братства въ желаніи и небезрезультатныхъ усиліяхъ сдѣлать все возможное для поддержанія дѣла Братства на должной высотѣ.

Дѣятельность Братства въ истекшемъ отчетномъ году выражалась: а) въ устройствѣ каждонедѣльныхъ, по воскреснымъ днямъ Рождественскаго и Великаго постовъ, чтеній, съ раздѣленіемъ на 3 отдѣла— богословскаго, религіозно-нравственнаго и церковно-историческаго характера,—и чтеній религіозно-нравственнаго содержанія для учащихся въ начальныхъ школахъ г. Ржева и отчасти уѣзда; б) въ продажѣ и бесплатномъ распространеніи книжекъ, брошюръ и листовъ религіозно-нравственнаго содержанія изъ склада Братства; в) въ мѣропріятіяхъ по развитію церковнаго пѣнія въ Ржевѣ и г) общихъ распоряженіяхъ Совѣта Братства по развитію дѣятельности Братства.

А. Организація чтеній.

Какъ и въ предшествующемъ году, Совѣтъ Братства особенно заботливо относился къ надлежащей постановкѣ и развитію религіозно-нравственныхъ чтеній, какъ наиболѣе доступному для него способу въ достиженіи задачъ Братства при наличныхъ условіяхъ его существованія. По прежнему устройствомъ чтеній имѣлось въ виду въ доступной формѣ дать слушателямъ объясненіе важнѣйшихъ истинъ вѣры и нравственности и возбудить потребность религіозно-нравственнаго просвѣщенія, особенно при замѣтномъ современномъ упадкѣ интереса къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Послѣдняя цѣль—оживить интересъ къ религіознымъ вопросамъ

особенно предносилась устроителямъ чтеній. Поэтому предлагалась тщательная забота о томъ, чтобы чтенія были приспособлены къ пониманію слушателей и доступны имъ. Опытъ предшествующаго года показалъ, что чтенія привлекаютъ и интеллигентныхъ слушателей изъ обывателей г. Ржева и что весьма затруднительно чтенія организовать такъ, чтобы они были одинаково интересны и взрослымъ слушателямъ и дѣтямъ школьнаго возраста. Въ виду этого, на одномъ изъ засѣданій Совѣта Братства было постановлено чтенія для дѣтей выдѣлить изъ общихъ чтеній въ особую группу. Но чтобы не лишить дѣтей чтеній, просить содѣйствія г. Инспектора народныхъ училищъ объ устройствѣ для учащихся дѣтей особыхъ чтеній въ школахъ, по брошюрамъ и книжкамъ Братства и съ иллюстраціей этихъ чтеній свѣтлыми картинами, имѣющимися въ распоряженіи Братства. По полученіи согласія г. Инспектора, школьныя чтенія и были выдѣлены въ особую группу.

Первый рядъ чтеній для взрослыхъ былъ назначенъ на Рождественскій постъ: декабря 4, 11 и 18. Всѣхъ чтеній въ этомъ постѣ было 6; изъ нихъ 3 религіозно-нравственнаго содержанія вообще и 3—церковно-историческаго, по два чтенія въ каждый срокъ.

Предметами и темами чтеній были слѣдующіе:

1. „Церковь Христова отъ начала ея существованія до Константина Великаго“ (Свящ. А. И. Масловъ).
2. „Человѣкъ на землѣ“ (М. В. Пановъ).
3. „Церковь Христова отъ царя Константина до раздѣленія ея на восточную и западную“ (М. В. Гусевъ).
4. „Грѣшница“, стихотв. А. Толстого (Н. Т. Васильевъ).
5. „Рождество Христово“ (Свящ. В. В. Аркадовъ).
6. „Чѣмъ были бы люди безъ Христа“ (М. В. Можжухинъ).

Вторая серія чтеній съ тѣмъ же направленіемъ и характеромъ, со включеніемъ чтеній о Палестинѣ, согласно

отношенію Тверского Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, была назначена на Великій Постъ. Чтеній въ Великомъ постѣ было 11: февраля 19 и 26 и марта 4, 11 и 18, въ каждый срокъ по два чтенія и въ одномъ—3 чтенія. Изъ нихъ 4—религіозно-нравственнаго характера, 5—церковно-историческаго и 2—о Палестинѣ. Темы чтеній были слѣдующія:

1. „Богъ въ природѣ“ (Свящ. М. В. Гусевъ).
2. „Патріархъ Россійскій Гермогенъ“ (П. Ѳ. Симсонъ).
3. „Не осуждай ближнихъ“ (Прот. А. А. Бересневъ).
4. „Гоненія на христіенъ отъ язычниковъ“ (В. И. Казанскій).
5. „Вліяніе молитвы на душу человѣка“ (Свящ. П. И. Масловъ).
6. „Митрополитъ Филиппъ“ (В. О. Онуфріевъ).
7. „О прошломъ и настоящемъ Св. Земли“ (Свящ. В. А. Соколовъ).
8. „Начало христіанства на Руси“ (А. П. Рѣзвяковъ).
9. „Отъ Геесиманіи до Голгофы“ (Прот. І. М. Морковкинъ).
10. „Моленіе о чашѣ“, стихотв. Никитина (Н. Т. Васильевъ).
11. „Князь Михаилъ Тверской“ (Н. Т. Васильевъ).

Чтенія въ Рождественскомъ постѣ происходили въ помѣщеніи Земской Управы; чтенія же въ Великомъ постѣ, вслѣдствіе бывшаго ремонта помѣщенія Земской Управы, происходили въ зданіи Городской Думы. Выборъ темъ для чтеній производился на собраніяхъ Совѣта Братства; тогда же составлялась программа чтеній, которая и была объявляема заранѣе по г. Ржеву. Чтенія сопровождались пѣніемъ мѣстныхъ хоромъ церковныхъ и, кромѣ того, чтенія церковно-историческаго содержанія сопровождались свѣтовыми картинами. Трудъ управленія волшебнымъ фонаремъ принялъ на себя учитель приходскаго училища—С. Л. Леоновъ; при помощи на нѣ-

которыхъ чтеніяхъ учителя Покровской церковно-приходской школы—С. Л. Кудрявцева. Чтенія начинались и заканчивались пѣніемъ: „Царю Небесный“ и „Достойно есть“ всѣми присутствующими. Послѣ чтеній, или въ промежуткахъ между 1-мъ и 2-мъ чтеніями раздавались бесплатно листки и брошюрки религиозно-нравственнаго и церковно-историческаго содержанія. Чтенія собирали каждый разъ весьма много слушателей собиралось до 400 и 500 человѣкъ. Къ сожалѣнію, какъ залъ земскаго дома, такъ въ особенности залъ Городской Думы, оказывались недостаточными. Ощущались, при скопленіи слушателей, сильная духота, тѣснота и другія неудобства; многіе изъ посѣтителей изъ-за тѣсноты уходили съ чтеній, а приходившіе послѣ начала чтеній не всегда могли пробраться въ залъ.

Чтенія для учащихся въ школахъ г. Ржева и въ Муравьевской церковно-приходской школѣ, въ уѣздѣ, происходили въ Великомъ постѣ на слѣдующія темы:

1. Въ Никольскомъ училищѣ (12 марта) „Св. Алексій, человѣкъ Божій“, и „Митрополитъ Филиппъ“.

2. Въ Преображенскомъ училищѣ (7 марта) „Св. Михаилъ Тверской“.

3. Въ третьемъ приходскомъ училищѣ (13 марта) „Св. Алексій, человѣкъ Божій“, и рассказаны по картинамъ нѣкоторыя событія изъ Ветхаго и Новаго завѣта.

4. Въ Александровскомъ училищѣ (14 марта) „Св. Михаилъ Тверской“.

5. Въ пятомъ училищѣ (5 марта) „Гоненіе на христіанъ отъ язычниковъ и первые мученики“.

6. Въ шестомъ училищѣ (1 и 15 марта), „Св. Митр. Филиппъ“, „Св. Іоаннъ Креститель“, „Св. Кириллъ и Меодій“, также рассказаны по картинамъ нѣкоторыя событія изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, о гоненіяхъ на христіанъ отъ язычниковъ и о первыхъ мученикахъ.

7. Въ женскомъ 7-мъ приходскомъ училищѣ (12 марта) — „Св. Алексій, Человѣкъ Божій“, „Св. Троицкая

Лавра“ и разсказаны по картинамъ нѣкоторыя событія изъ Новаго Завѣта.

8. Въ девятомъ начальномъ училищѣ (14 марта) „Св. Троицкая Лавра“ и

9. въ одиннадцатомъ училищѣ (1 марта) „Первые Мученики на Руси“ и „Митрополитъ Филиппъ“—Въ церковныхъ школахъ г. Ржева чтенія происходили на слѣдующія темы: Въ Покровской (для учащихся Покровской и Соборной школѣ) „Гоненія на христіанъ“ и „Первые Мученики“, также были разсказано о Св. Землѣ, и Муравьевской: „Князь Михаилъ Тверской“, Начало христіанства на Руси“ и разсказано о Св. Землѣ. Всѣ чтенія производились учащими указанныхъ училищъ (законучителями, учителями и учительницами) и сопровождались иллюстраціей свѣтовыхъ туманныхъ картинъ.

В. Продажа и бесплатное распространеніе книгъ, брошюръ и листовъ религіозно-нравственнаго содержанія.

Для достиженія просвѣтительныхъ цѣлей не менѣе важнымъ средствомъ, чѣмъ организація чтеній, Совѣтъ Братства считалъ распространеніе книгъ, брошюръ и листовъ религіозно-нравственнаго содержанія между православными жителями города и уѣзда. Совѣтъ признавалъ, что домашнее чтеніе этого рода книгъ, какъ постоянное и не подверженное случайностямъ, обезпечиваетъ болѣе вѣрное воздѣйствіе ихъ на читателя, чѣмъ періодическое участіе въ слушаніи чтеній. Хорошая книга— всегда „лучшій другъ человѣка“; значеніе же книги, имѣющей предметомъ религіозно-нравственныя потребности и обязанности человѣка, не оцѣнимо: она не только даетъ высокой цѣнности духовную пищу и доставляетъ высокое духовное удовлетвореніе, но и будитъ совѣсть, отвлекая человѣка христіанина отъ притупляющаго нерадѣнія о душѣ. Особенно важнымъ представляется рас-

пространеніе книжекъ религіозно-нравственнаго содержанія, въ виду широкаго обращенія въ темной народнои массѣ книгъ и брошюръ сектантскаго, раскольничьяго, а иногда безнравственнаго и противорелигіознаго содержанія. Однако, при всемъ сознаніи важности этого способа религіозно-просвѣтительнаго воздѣйствія, Совѣтъ Братства не могъ дать правильную и надлежаще плодотворную постановку дѣлу организаціи продажной и бесплатной библиотекъ Братства,—какъ по скудости средствъ, которыми располагаетъ Братство, такъ въ особенности по недостатку пригоднаго для библиотекъ помѣщенія. Дѣятельность Братства по распространенію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія въ отчетномъ году, хотя и расширилась, но сравнительно незначительно.

Согласно постановленію Совѣта Братства въ концѣ предшествующаго года, въ отчетномъ году, по предложенію члена Совѣта А. Г. Дѣдова, принявшаго на себя трудъ завѣдыванія книжнымъ складомъ Братства, было отпущено 60 рублей на пріобрѣтеніе книгъ, брошюръ и листовъ, частью для продажи и частью для бесплатной раздачи. На эту сумму были выписаны нѣсколько сотъ иконъ (малаго размѣра) и крестовъ. Значительная часть этихъ книжекъ, брошюръ и иконъ была передана въ часовни при Христорождественской и Владимірской церквахъ и наибольшая часть въ церковь при Епархіальномъ женскомъ училищѣ. Въ поименованныхъ часовняхъ, при содѣйствіи Товарища Предсѣдателя, о прот. А. А. Берснева и члена Совѣта, свящ. А. И. Маслова, а также въ церкви при Епархіальномъ училищѣ, при содѣйствіи г. Начальницы училища Л. М. Языковой, производилась продажа книгъ и иконъ послѣ богослуженій. Также производилась продажа книгъ и иконъ во время принесенія во Ржевъ чудотворной иконы Оковецкой Божіей Матери и при нѣкоторыхъ Ржевскихъ церквахъ во время храмовыхъ праздниковъ. Всего книжекъ и брошюръ, по продажѣ, было распространено на сумму до 20 рублей.

Причинами недостаточной успешности въ дѣятельности продажнаго склада, по отзыву г. Завѣдующаго складомъ, служатъ: а) отсутствіе собственнаго помѣщенія; б) скудость ассигнуемой Братствомъ суммы для продажнаго склада; в) отсутствіе лицъ, которыя приняли бы на себя безвозмездно продажу при церквахъ во время храмовыхъ праздниковъ или въ другіе торжественные дни, когда бываетъ наибольшее скопленіе народа и г) неосвѣдомленность публики о томъ, что существуетъ при Братствѣ продажной складъ и что можно въ немъ купить. Бесплатно книжки и листки распространялись при религіозно-нравственныхъ чтеніяхъ въ помѣщеніяхъ Земской Управы и Городской Думы. Такихъ листковъ было роздано изъ собственности Братства свыше сотни и нѣсколько сотъ — изъ частныхъ пожертвованій. Листки для бесплатной раздачи поступили отъ Предсѣдателя Совѣта и отъ вдовы Протоіерея Е. В. Филаретовой.

В. Мѣры къ развитію церковнаго пѣнія.

Организуя религіозно-нравственныя чтенія и тѣмъ выполняя свои задачи въ существенной части, Совѣтъ Братства не опускалъ изъ вниманія то важное значеніе, какое могло бы оказать церковное пѣніе дѣлу усиленія церковной жизни въ Ржевѣ. Церковное пѣніе служить не только естественнымъ выраженіемъ и обнаруженіемъ сердечнаго настроенія человѣка-христіанина, но и лучшимъ средствомъ, питающимъ и поддерживающимъ это настроеніе. Въ этихъ видахъ была бы весьма желательна организація братскаго хора, предусмотрѣннаго уставомъ его; въ этомъ хорѣ могли бы участвовать и находить духовное удовлетвореніе братчики — любители церковныхъ пѣснопѣній, и онъ (хоръ) могъ бы сдѣлаться основаніемъ, своего рода зерномъ, для общенароднаго хора при церковныхъ торжествахъ, бывающихъ въ Ржевѣ. Къ сожалѣнію, по тѣмъ же причинамъ — скудости сред-

ствъ и отсутствію собственнаго помѣщенія, Совѣтъ не могъ предпринять чего-либо въ этомъ отношеніи. Не оказались успѣшными и попытки образовать хотя бы временный народный хоръ для организованныхъ религіозно-нравственныхъ чтеній, устройство котораго взялъ на себя въ предшествующемъ году преподаватель Епархіальнаго училища Н. Т. Васильевъ. За неимѣніемъ собственнаго помѣщенія и вслѣдствіе необходимости перенести чтенія изъ помѣщенія Земской Управы въ помѣщеніе Городской Думы, болѣе тѣсное и занятое, не оказалось возможнымъ устраивать предварительныя (до чтенія) спѣвки, и такимъ образомъ пришлось оставить и самую мысль объ организаціи народнаго хора. По этой же причинѣ, рѣшено было чтенія лишь предварять и оканчивать общимъ пѣніемъ тѣхъ посѣтителей, которые участвуютъ на томъ или иномъ чтеніи. И нельзя не отмѣтить того, что даже при столь случайномъ составѣ поющихъ, въ большинствѣ мало подготовленныхъ, общее пѣніе всѣми присутствующими начальныхъ и конечныхъ пѣснопѣній исполнялось каждый разъ съ замѣтнымъ воодушевленіемъ и вносило значительное оживленіе.

Не имѣя возможности организовать собственный или народный хоръ, Совѣтъ Братства прилагалъ усилія къ тому, чтобы устраиваемыя религіозно-нравственныя чтенія оживлять церковнымъ пѣніемъ существующихъ въ Ржевѣ церковныхъ хоровъ. Съ этою цѣлью на каждое чтеніе приглашался одинъ изъ Ржевскихъ хоровъ, который и исполнял, по своему выбору, нѣсколько пѣснопѣній.

Совѣтъ Братства обязаннымъ себя считаетъ съ особой благодарностью отмѣтить отзывчивость на это доброе дѣло г.г. регентовъ церковныхъ хоровъ, а также и участниковъ этихъ хоровъ. Время воскреснаго досуга имъ приходилось жертвовать не только на исполненіе пѣснопѣній на самыхъ чтеніяхъ, но и на подготовки къ нимъ.

На устроенныхъ въ Рождественскомъ и Великомъ постахъ чтеніяхъ церковными хорами были исполнены слѣдующія пѣснопѣнія: 4 декабря хоромъ Христорождественской церкви, подъ управленіемъ А. И. Синева, концертъ Архангельскаго: „Господи, услыши молитву мою“, „Свѣте тихій“ Кастальскаго, „Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ“ Архангельскаго.

На чтеніи 11 декабря хоромъ Покровской церкви, подъ управленіемъ Д. Е. Королева, концертъ Вортнянскаго: „Вознесу Тя Боже Мой“, пс. 145 „Хвали, душе моя“ муз. Аллеманова, ирмосы на Рождество Христово и кондакъ „Дѣва днесъ“... муз. Кастальскаго.

На чтеніи 18 декабря хоромъ Успенскаго собора, подъ управленіемъ К. А. Синайскаго, „Къ кому возопію, Владычице“ муз. Архангельскаго, „Ликуй вселенная“, концертъ Деггяр. и ирмосы на Рождество Христово (1, 6 и 9 п.), муз. Аллеманова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Содержаніе части официальной: Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—Отчетъ Ржевскаго Братства Святаго Креста Господня за 1911—1912 годъ.

Редакторъ священникъ М. Любскій.

Печатать дозволяется. 18 февраля 1913 года. Цензоръ инспекторъ семинаріи Н. Онтликъ.

Печатано въ Типографіи Н. М. Родіонова въ Твери, преемн. М. В. Блиновъ.
Трехсвятская улица, домъ В. М. Шиканова.

ТВЕРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ еженедѣльно по понедѣльникамъ.

18 Февраля 1913 года.

№ 8.

Годъ тридцать седьмой.

ЧАСТЬ НЕОФФІЦІАЛЬНАЯ.

Къ 300-лѣтнему юбилею царствованія Дома Романовыхъ. (1613—1913).

21 февраля текущаго года исполнится триста лѣтъ со дня вступленія на престолъ перваго царя изъ дома Романовыхъ, Михаила Ѳеодоровича. Не въ мирное время произошло воцареніе Романовыхъ, не путемъ непосредственной передачи отъ послѣдняго царя старой московской династіи получили они верховную власть. Длинный рядъ бѣдствій, внутреннихъ и внѣшнихъ, пережила въ то время Россія. Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ страдала она отъ бунтовъ, самозванцевъ, голода, болѣзней, поляковъ и т. д. Казалось, гибло окончательно московское государство. Со времени татарскаго ига не переживало оно тяжелѣй этой поры. Нѣсколько царей смѣнилось за это „смутное время“,—а конца испытаніямъ не было видно.—Вотъ какія событія предшествовали избранію царя Михаила.

Началось смутное время со смертью царя Ѳеодора Ивановича (6 янв. 1598 г.), сына Грознаго. Еще ранѣе,

въ 1591 г., палъ отъ руки убійць, какъ полагають, младшій братъ его, царевичъ Димитрій. Со смертью этихъ сыновей царя Ивана Васильевича прекратился царскій родъ Ивана Калиты, съ которымъ такъ сжился русскій народъ. Имѣя болѣе 700 лѣтъ своими князьями и царями потомковъ Рюрика и св. Владимира, русскій человѣкъ такъ привыкъ къ своимъ „прирожденнымъ“ государямъ, что не допускалъ и мысли о выборномъ царѣ. Легко представить, какое удручающее впечатлѣніе произвело на населеніе московскаго государства престѣженіе царскаго рода. Какъ бы хорошъ ни былъ новый, выборный царь, въ сознаніи народа онъ все-таки ниже „прирожденнаго“ царя. И всегда могли появиться люди, не признающіе царственнаго достоинства за вчерашнимъ товарищемъ — согражданиномъ.

Умирая, царь Θεодоръ не сдѣлалъ никакого распоряженія на счетъ своего преемника. Москва тогда присягнула царицѣ — вдовѣ Иринѣ Θεодоровнѣ, какъ самой естественной преемницѣ бездѣтнаго и безнаслѣднаго царя. Но Ирина Θεодоровна не пожелала быть царицей и царскому дворцу предпочла келію Новодѣвичьяго монастыря. Сколь не желательно было русскому человѣку отдалить непривычный для него актъ царскаго избранія, ему приходилось однако считаться съ печальной дѣйствительностью и подумать теперь же объ избраніи новаго царя. Съ этой цѣлью созывается земскій соборъ изъ выборныхъ представителей отъ разныхъ городовъ. Члены собора, руководимые патріархомъ Іовомъ, останавливаютъ свой выборъ на царскомъ шуринѣ, бояринѣ Борисѣ Θεодоровичѣ Годуновѣ.

Долго въ исторической наукѣ держалось мнѣніе, что Борисъ Годуновъ искусственнымъ образомъ добился желательнаго для него состава избирательнаго собора и, т. о., какъ-бы насильственно вступилъ на престолъ. Въ настоящее время, благодаря тщательному изученію смут-

ной эпохи, установлено, однако, что это мнѣніе ошибочно. Въ дѣйствительности соборъ 1598 г., избравшій Бориса Годунова, по своему составу ничѣмъ не отличался отъ другихъ подобныхъ же собраний. Никакой подтасовки, никакого экстраординарнаго давленія на членовъ даннаго собора ниоткуда не видно. Да и не было нужды въ этой подтасовкѣ и давленіи. По своему социальному положенію большинство членовъ собора принадлежало къ категоріи людей, такъ или иначе облагодѣтельствованныхъ Борисомъ еще при жизни царя Феодора, и, слѣдовательно, само, безъ всякаго внѣшняго воздѣйствія, склонялось къ избранію именно Годунова. Наиболѣе авторитетный голосъ на соборѣ — голосъ патріарха (Іова) — былъ за Бориса; за нимъ, разумѣется, пошло и прочее духовенство, въ общемъ очень расположенное къ царскому шурину. Подобно духовенству, былъ за Годунова и средній землевладѣльческій классъ — служилые. Годуновъ, будучи правителемъ государства при царѣ Феодорѣ, очень много сдѣлалъ для служилаго сословія, — чѣмъ и расположилъ его въ свою пользу. Возразить противъ кандидатуры Годунова могли, казалось бы, депутаты отъ крестьянъ, которыхъ начали прикрѣплять къ землѣ въ это время, но на тогдашнихъ земскихъ соборахъ не было правильнаго представительства отъ крестьянскаго сословія. Что же касается боярской аристократіи, то, хотя она въ большинствѣ своемъ была и недовольна кандидатурой потомка Мурзы-Чета, однако помѣшать успѣху Бориса въ 1598 г. была не въ силахъ: ея голосъ на соборѣ тонулъ въ подавляющей массѣ сторонниковъ Годунова.

Отрицать совершенно агитацію среди членовъ собора въ пользу Бориса Годунова, конечно, нельзя, но эта агитация не выходила изъ границъ, не носила характера незаконномѣрности. Борисъ Годуновъ, т. о., былъ избранъ царемъ съ формальной стороны вполне правильно, законно.

Новый царь еще до избранія своего управлялъ государствомъ и обнаружилъ глубокой государственный умъ, —

естественно, поэтому, что московские люди встрѣтили избраніе такого опытнаго и даровитаго царя съ чувствомъ удовлетворенія, съ свѣтлыми надеждами на будущее. Къ тому же новый царь и близкій родственникъ угаснувшей династіи. Казалось, все предвѣшало миръ и благоденствіе для московскаго государства. Но случилось иное. Какъ изъ рога изобилія посыпались на русскую землю, съ избраніемъ Бориса, разныя бѣды и несчастія: страна застонала, началась великая „разруха“. Съ каждымъ днемъ таетъ народная любовь и довѣріе къ новому царю. Заглохшіе было въ народѣ слухи о соучастіи Бориса въ убіеніи царевича Дмитрія снова ожили и стали распространяться изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню. Постоянные неурожаи, беспросвѣтная нужда и голодь, эпидемическія болѣзни, шайки воровъ и разбойниковъ—все это, казалось народу, постигло Россію изъ-за Бориса. Онъ, вступившій на престолъ чрезъ трупъ невиннаго царевича, виновенъ въ тѣхъ бѣдахъ, которыя постигли московское государство.

При такихъ то обстоятельствахъ вдругъ разносится вѣсть, что царевичъ Дмитрій живъ, что онъ случайно спасся отъ руки убійцы и теперь набираетъ войско въ Польшѣ, чтобы итти на Москву, противъ Бориса. Всѣ усилія московскаго царя разоблачить самозванца и предупредить измѣну, остались тщетны. Количество приверженцевъ Лжедмитрія росло съ каждымъ днемъ какъ среди вышаго, боярскаго круга, такъ и низшаго сословія (казаковъ и крестьянъ). А вмѣстѣ съ появленіемъ самозванца, на Москву двинулись и самыя грозныя тучи смутной эпохи.

Можно ли, однако, считать пресѣченіе московской династіи единственной причиной торжества самозванческой идеи и всѣхъ ужасовъ смуты? Конечно, извѣстная связь между упомянутыми явленіями существуетъ. Но для объясненія цѣлой эпохи этого недостаточно. Если внимательно присмотрѣться къ внутренней жизни тог-

дашней Руси, то можно замѣтить въ ней такія болѣзненные явленія, которыя независимо отъ пресѣченія царской династіи готовили то или иное замѣшательство русской землѣ. Такими болѣзненными явленіями въ организмъ московскаго государства были—съ одной стороны, непримиримая вражда между боярскимъ классомъ князей и московскими царями, а съ другой—сильная рознь между служилыми—помѣщиками и крестьянской массой. И самый высшій (бояре—князья), и самый низшій (крестьяне) слои московскаго населенія были одинаково недовольны русской дѣйствительностью конца XVI вѣка. Одни стремились къ широкому участию въ управленіи страной, но въ своихъ притязаніяхъ столкнулись съ самодержавіемъ московскихъ царей и вынуждены были пережить опрочину. Другіе, и безъ того обремененные тяжелыми налогами и постоянными войнами, старались освободиться отъ прикрѣпленія къ землѣ, которое тогда стало развиваться въ московскомъ государствѣ. Не находя защиты для своей экономической свободы у правительства, которое, по условіямъ тогдашней жизни, поддерживало помѣщиковъ, обѣднѣвшіе крестьяне оставляли свою землю и массами убѣгали на южныя окраины государства и тамъ поступали въ ряды вольныхъ казачьихъ дружинъ. Нѣкоторые же изъ нихъ становились просто разбойниками. Такого люда,—бездомнаго, гуляющаго,—накопилось такъ много въ московской Руси, что надъ Москвой постоянно висѣла опасность казачьяго бунта. Если прибавить къ этому, что и среди средняго служилого класса было много недовольныхъ тяжелыми условіями военной службы, то станетъ понятнымъ, что прекращеніе царскаго рода Ивана Калиты было лишь поводомъ, внѣшнимъ толчкомъ для событій смуты, которая давно назрѣвала внутри государства и потому проявилась бы въ той или иной формѣ независимо отъ пресѣченія московской династіи.

Тревожно было въ виду этого настроеніе новоизбраннаго царя Бориса. Съ самага воцаренія своего онъ

чувствовалъ себя непрочнымъ на престолѣ и опасался боярскихъ интригъ противъ себя. Чѣмъ больше зрѣло среди народа недовольство Годуновымъ, тѣмъ мрачнѣе и подозрительнѣе становился онъ. Много народу пострадало отъ подозрительности царя, но болѣе всѣхъ претерпѣли въ это время отъ Годунова бояре Романовы. Это была древняя и наиболѣе популярная въ Москвѣ боярская фамилія. Бояре Романовы (они же Юрьевы-Захарьины-Кошкины) всегда были вѣрными слугами и помощниками московскихъ государей. За свою вѣрность они были болѣе другихъ приближены ко двору, а потомъ даже и породнились съ царской семьей, благодаря женитьбѣ Ивана Грознаго на Анастасіи Романовнѣ, дочери Романа Юрьевича, родоначальника фамиліи Романовыхъ. Братъ Анастасіи Романовны, бояринъ Никита Романовичъ, былъ самымъ приближеннымъ и довѣреннымъ лицомъ у Грознаго. Несмотря на свое родство съ царемъ, въ опричнину Никита Романовичъ, однако, не пошелъ. Напротивъ, онъ временами удерживалъ и самого Грознаго отъ жестокихъ расправъ съ подданными, ходатайствуя предъ нимъ за осужденныхъ. Народъ цѣнилъ это заступничество Никиты Романовича и прославилъ добраго шурина царскаго въ своихъ пѣсняхъ и былинахъ. По смерти Грознаго Никита Романовичъ былъ главнымъ правителемъ государства, и только со смертью этого добраго боярина главнымъ лицомъ при Θεодорѣ Ивановичѣ сталъ Борисъ Годуновъ.

Умирая, Никита Романовичъ поручилъ свою многочисленную семью новому правителю—Годунову, съ которымъ Романовы вначалѣ были очень дружны. Никитичи, подобно отцу своему, были очень любимы москвичами за свои добрыя душевныя качества. Жили они тѣсной и согласной семьей. Особенно выдѣлялся изъ ихъ среды старшій братъ— Θεодоръ Никитичъ, впослѣдствіи патріархъ Филаретъ. Это былъ красивый, веселый и образованный бояринъ.

Вотъ эти то „Никитичи“ и подверглись царской опалѣ въ 1600—1601 г., когда впервые прошелъ слухъ въ Москвѣ о самозванчествѣ Григорья Отрепьева, бѣжавшаго отъ ареста въ Литву. По доносу одного холопа, бояре Романовы были арестованы и представлены на судъ боярь. Никитичи были обвинены въ намѣреніи извести царя Бориса. Всѣ они были сосланы по этому суду въ разныя отдаленныя области московскаго государства, а нѣкоторые были и пострижены. Постриженъ былъ, между прочимъ, и старшій братъ, красавецъ, Феодоръ Никитичъ. Съ именемъ Филарета его сослали въ Антоніевъ-Сійскій монастырь. Жену его, Ксенію Ивановну, тоже постриженную, сослали въ Заонежскій Толвуйскій погостъ. Сына Феодора Никитича, Михаила Феодоровича, будущаго царя Московскаго, разлучили съ родителями и отправили въ ссылку на Бѣлоозеро. Младшихъ братьевъ Феодора Никитича сослали: одного — на Бѣлое море (Александра Никитича), другого — въ Пелыси (Ивана Никитича), третьяго въ Ныробъ, Пермской губ. (Михаила Никитича), четвертаго — въ Яранскъ (Василія Никитича). Подверглись опалѣ и ссылкѣ и нѣкоторые родственники Романовыхъ, какъ напр., кн. Черкасскіе, Сицкіе и др. Наиболѣе тяжелой ссылка оказалась для Александра, Михаила и Василія Никитичей. Черезъ мѣру усердные и услужливые пристава своимъ жестокомъ обращеніемъ довели ихъ до преждевременной смерти на чужбинѣ.

За что постигла такая тяжелая кара скромныхъ и всѣми любимыхъ боярь Романовыхъ — въ точности неизвѣстно. Писатели-современники, расположенные къ Романовымъ, приписываютъ это исключительно зависти и ненависти Бориса, который будто бы искусственно, съ помыслю наемныхъ шпионовъ, обвинили Романовыхъ, завѣдомо невинныхъ, въ измѣнѣ. Изъ грамотъ-же по дѣлу ссылки Никитичей видно, что Борисъ Годуновъ искренно, непритворно боялся козней Романовыхъ, обви-

няя ихъ въ желаніи добиться престола „вѣдовствомъ и кореньемъ“. Если припомнить, что Романовы были самыми близкими по крови къ угасшей династіи (двоюродные братья царя Θεодора), а слѣдовательно — и самыми сильными противниками Бориса Годунова, то можно приблизительно такъ представить дѣйствительную картину „измѣны“ Романовыхъ. Еще въ 1598 г., по смерти царя Θεодора, въ Москвѣ раздавались голоса въ пользу избранія на царство старшаго Никитича, какъ самаго близкаго родственника умершаго царя. Съ потерей Борисомъ популярности въ народѣ число приверженцевъ Θεодора Никитича, надо полагать, возрасло. Это обстоятельство, конечно, не укрылось отъ подозрительнаго Годунова, и онъ съ особенной ревностью сталъ наблюдать за Романовыми. При такой напряженной атмосферѣ одно неосторожное слово послѣднихъ по адресу нелюбимаго царя могло погубить всю семью. Было ли со стороны Романовыхъ что либо большее, чѣмъ простое порицаніе Бориса въ семейномъ кругу своемъ, трудно сказать съ достовѣрностью. Что же касается Бориса Годунова, то онъ, по видимому, былъ вполне увѣренъ въ намѣреніи Романовыхъ свергнуть его съ престола, а, можетъ быть, подозревалъ ихъ въ подготовкѣ самозванца и въ соучастіи съ нимъ.

Казни и опалы, которыя налагалъ Борисъ на неблагонадежныхъ лицъ, не помогли ему, однако, подавить растущее противъ него движеніе. Одинъ за другимъ переходятъ южно-русскіе города на сторону Лжедимитрія, и сторонники послѣдняго появляются уже вблизи Москвы. Несчастный царь неожиданно умираетъ въ апрѣлѣ 1605 г. отъ непрерывныхъ волненій, и престолъ русскій занимаетъ его шестнадцатилѣтній сынъ Феодоръ Борисовичъ. Но не долго царствовалъ этотъ умный, многообѣщавшій юноша. Измѣна прокралась уже въ самую столицу. Въ іюнѣ того же года уличная толпа, руководимая привер-

женцами Лжедмитрія, свергла Федора съ престола и очистила, такимъ образомъ, путь Лжедмитрію.

Считая себя родственникомъ Романовыхъ, Лжедмитрій, по воцареніи своемъ, немедленно возвращаетъ ихъ изъ ссылки въ Москву и осыпаетъ разнаго рода милостями. Инокъ Филаретъ получаетъ санъ митрополита ростовскаго, а его братъ Иванъ дѣлается бояриномъ. Сильно потрясла ссылка фамилію Романовыхъ: трехъ молодыхъ цвѣтушихъ братьевъ лишились они. Но велико было за то и сочувствіе къ нимъ со стороны москвичей. Послѣ жестокихъ гоненій Романовы стали еще популярнѣе въ московскомъ государствѣ. „Сихъ ради Никитичевъ“, по вѣрованію тогдашнихъ людей, Богъ послалъ и самую смуту на русскую землю.

Съ воцареніемъ Лжедмитрія смута не прекратилась, а еще болѣе усилилась. Вмѣстѣ съ самозванцемъ въ Москву хлынули иновѣрцы — поляки и литовцы, которые своимъ надменнымъ отношеніемъ къ русскимъ скоро возбудили сильный ропотъ въ народѣ противъ царя. Да и самъ царь велъ себя предосудительно съ точки зрѣнія москвичей: запросто посѣщалъ лавки торговцевъ, не исполнялъ постовъ, чуждался православной церкви и даже женился на католичкѣ. Въ народѣ стали поговаривать о самозванчествѣ и еретичествѣ царя. Потомъ возникъ заговоръ противъ него, а 17 мая 1606 г. толпа заговорщиковъ, во главѣ съ Василиемъ Шуйскимъ, ворвалась во дворецъ и убила Лжедмитрія.

Послѣ сверженія самозванца, на царскій престолъ вступилъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Это былъ самый родовитый изъ тогдашнихъ бояръ, потомокъ святаго Владимира. Но возведенный на престолъ кучкой своихъ приверженцевъ изъ бояръ и дворянъ, безъ участія земскаго сбора, Василій Шуйскій, какъ царь, холодно былъ встрѣченъ русскимъ народомъ. Въ Москвѣ открыто говорили о незаконности царскаго избранія, а въ нѣкото-

рыхъ провинціальныхъ городахъ и вовсе не признавали Шуйскаго царемъ. Народное недовольство новымъ царемъ въ значительной степени поддерживалось и личнымъ характеромъ послѣдняго—мелочнымъ, подозрительнымъ, метительнымъ.

Вступивъ на престолъ, Василій Шуйскій предпринялъ рядъ мѣръ для упроченія своей власти и прекращенія смуты въ московскомъ государствѣ. Онъ ищетъ поддержки у Романовыхъ и ихъ многочисленной, знатной родни,—для чего предлагаетъ Филарету Никитичу санъ московскаго и всея Руси патріарха. Сильный и вліятельный романовскій кругъ могъ быть очень полезенъ для колеблющагося на тронѣ царя,—и умный царь быстро учелъ это обстоятельство. Но довѣріе, съ которымъ Шуйскій отнесся на первыхъ порахъ къ митрополиту Филарету, скоро смѣнилось подозрѣніемъ, и кандидатура послѣдняго на патріаршій престолъ была снята. Въ патріархи, вмѣсто Филарета, былъ возведенъ знаменитый Гермогенъ, митрополитъ казанскій.

Охлажденіе Шуйскаго по отношенію къ Романовымъ началось такимъ образомъ. Чтобы разсѣять ходившіе въ народѣ слухи о спасшемся царевичѣ и успокоить, такимъ образомъ, разыгравшіяся страсти, Царь Василій Ивановичъ, въ ряду другихъ мѣръ, предпринялъ торжественное перенесеніе мощей царевича Димитрія изъ Углича въ Москву. За этими мощами въ Угличъ былъ посланъ, въ качествѣ нареченнаго патріарха, и Филаретъ Никитичъ. Пока Филаретъ ѣздилъ въ Угличъ, въ Москвѣ, между тѣмъ, произошло народное волненіе, направленное противъ новаго царя, и инициаторомъ этого волненія оказался одинъ близкій къ Филарету бояринъ. До царя при этомъ дошли и такія рѣчи, что царемъ де слѣдовало бы быть не Шуйскому, а кому-нибудь изъ Романовыхъ. Царь заподозрѣлъ во всемъ этомъ самого Филарета. Насколько основательны были эти подозрѣнія—

сказать трудно, но недовѣрчивый царь счелъ ихъ достаточнымъ основаніемъ для отклоненія патріаршей кандидатуры Филарета Никитича.

Оскорбленіе, нанесенное Шуйскимъ Филарету Никитичу и всей его роднѣ, чрезвычайно повредило потомъ этому царю. Онъ лишился въ Романовыхъ сильной поддержки и въ самую критическую минуту своего царствования оказался совершенно беззащитнымъ.

Какъ ни старался царь Василій Ивановичъ успокоить мятущуюся страну, какія мѣры ни принималъ онъ для этого — все было напрасно. Государственный организмъ московскаго царства былъ такъ надломленъ внутренней соціальной борьбой и политическими противорѣчіями, что народныя волненія и всеобщее смятеніе продолжали развиваться и при Шуйскомъ. Еще до появленія второго самозванца Москва подверглась нападению Ивана Болотникова, сплотившаго вокругъ себя толпы холоповъ, бѣглыхъ крестьянъ, мелкихъ помѣщиковъ, словомъ, всѣхъ недовольныхъ общественными порядками того времени. Съ движеніемъ Болотникова царю Шуйскому еще удалось справиться. Но вслѣдъ за этимъ въ московскомъ государствѣ началось новое, болѣе сильное и опасное, волненіе. Причины его лежали въ томъ соціальномъ разстройствѣ и сословной враждѣ, которыми тогда безнадежно страдала московская Русь. Прикрѣпленные къ землѣ крестьяне непрерывно уходили въ „дикое поле“ и увеличивали собой кадры казаковъ, бѣглыхъ, воровъ и т. п. Озлобленные противъ высшаго сословія, эти люди готовы были воспользоваться первымъ поавшимся поводомъ, чтобы поднять возстаніе противъ своихъ бывшихъ господъ и отомстить имъ за свои лишенія. Такимъ поводомъ и послужило сверженіе Лжедмитрія. Еще ранѣе, чѣмъ отыскался второй самозванецъ, среди гулящаго и безпокойнаго люда (особенно на южной границѣ) пошли слухи о томъ, что Лжедмитрій спасся во время москов-

скаго бунта 17 мая и что скоро онъ снова пойдетъ войной противъ московскаго царя. Всѣ, кто чувствовалъ себя такъ или иначе обиженнымъ судьбой и хотѣлъ поживиться на чужой счетъ, жадно ухватились за эту выдумку, и когда въ Сѣверской Украинѣ, дѣйствительно, появился самозванецъ — Лжедмитрій, около него сразу же образовалась громадная армія недовольнаго люда. Съ этой арміей онъ двинулся къ Москвѣ. Дорогой къ нему постоянно приходили новыя и новыя толпы искателей приключеній. Не преминули воспользоваться случаемъ и поляки: цѣлыми тысячами присоединялись они ко второму самозванцу. Съ такимъ разношерстнымъ войскамъ самозванецъ подступилъ къ самой Москвѣ и расположился вблизи ея, въ селѣ Тушинѣ, отъ котораго получилъ прозваніе „Тушинскаго Вора“. Его сообщники быстро наводнили окрестности Москвы и всячески старались склонить русскій народъ на сторону Вора, — и очень многіе соблазнились и измѣняли Шуйскому.

Напрягая всѣ средства для спасенія Москвы и своего престола отъ тушинцевъ; Шуйскій рѣшается обратиться за помощью къ шведамъ и вскорѣ получаетъ ее. Благодаря военнымъ талантамъ царскаго племянника, М. В. Скопина — Шуйскаго, московское войско, подкрѣпленное шведскими отрядами, стало вскорѣ одолѣвать тушинцевъ, и для царя Василія блеснула была надежда на полное возстановленіе порядка въ государствѣ. Но... судьба готовила иное. Въ русскую смуту вмѣшались поляки. Они давно уже дожидались случая ослабить, а если можно, и совсѣмъ завоевать Россію. Придравшись къ союзу Москвы со Швеціей, польскій король Сигизмундъ III вступилъ со своимъ войскомъ въ московское государство и осадилъ городъ Смоленскъ. Вмѣшательство поляковъ еще болѣе осложнило московскую смуту. Шуйскому приходилось защищаться на два фронта. Пока былъ живъ любимецъ народа — Скопинъ — Шуйскій, поло-

женіе Василя Ивановича было еще не безнадежно, но со смертію этого даровитаго полководца дни царя были уже сочтены. Замѣститель Скопина, царскій братъ Димитрій Ивановичъ Шуйскій, былъ разбитъ поляками подъ Клушинымъ, и возмущенные москвичи свергли Шуйскаго съ престола (17 іюня 1610 г.).

Послѣ сверженія Шуйскаго Москва очутилась въ крайне опасномъ положеніи. Съ одной стороны грозили ей тушинцы а съ другой — подступилъ (послѣ Клушинской битвы) Жолкѣвскій со своими поляками, добивавшійся отъ русскихъ признанія царемъ Владислава, польскаго королевича. Находясь между двухъ огней, московское временное правительство предпочло, въ концѣ концовъ, кандидатуру Владислава, какъ меньшее изъ двухъ золъ. Тушинскій Воръ казался боярамъ гораздо опаснѣе по своимъ социальнымъ стремленіямъ, а избирать природнаго русскаго царя не было уже времени.

Избраніе на русскій престолъ Владислава облегчалось тѣмъ, что московское общество давно уже было знакомо съ мыслью о династической уніи Москвы съ Польшей. А нѣкоторые изъ москвичей, бывшіе раньше въ тушинскомъ станѣ, еще при царѣ Василю Шуйскомъ имѣли сношенія съ Сигизмундомъ на счетъ возведенія на престолъ королевича Владислава, въ виду личныхъ неприяностей ихъ съ Шуйскимъ. Но тогда этотъ вопросъ нельзя было рѣшить окончательно, безъ совѣта всей земли.

Избравъ Владислава, земскій соборъ снаряжаетъ великое посольство къ Сигизмунду для приглашенія избраннаго королевича въ Москву и для заключенія съ королемъ особаго договора по этому случаю. Во главѣ посольства, по настоянію пана Жолкѣвскаго, были поставлены митрополитъ Филаретъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ, какъ самые опасные люди для польскаго короля. Жолкѣвскому было хорошо извѣстно, что, послѣ сверженія Василя Шуйскаго, патріархъ Гермогенъ

совѣтоваль москвичамъ выбрать въ цари природнаго русскаго человѣка и предлагалъ при этомъ двухъ кандидатовъ—Голицына и Михаила Теодоровича Романова, сына Филарета. Естественно, поэтому, что Жолкѣвскій рѣшилъ добиться, подѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ, удаленія Голицына и отца юноши—Михаила изъ Москвы.

Великіе послы, отправляясь подѣ Смоленскъ, получили отъ земскаго собора подробный наказъ, какъ и что говорить Сигизмунду. Принятые съ большей честью кородемъ, послы приступили къ совѣщаніямъ съ польскими панами, и на этихъ совѣщаніяхъ сразу же обнаружилась полная непримиримость русскоѣ и польско-литовскоѣ точекъ зрѣнія. Послы, напр., ѣхали прочить на царство королевича Владислава, а поляки требовали отъ нихъ присяги на имя его отца короля Сигизмунда. Были предъявлены русскимъ посламъ многія и другія требованія, которыхъ тѣ не ожидали. Получивъ отъ собора точно опредѣленный наказъ и обѣщавъ въ свое время московскому патріарху всемѣрно защищать православную вѣру и русскіе государственные интересы, Филаретъ Никитичъ и Голицынъ съ безпримѣрнымъ мужествомъ и стойкостью отстаивали свою родину и ни въ чемъ не уступали раднымъ панамъ. Никакія мѣры воздѣйствія (включительно до униженій и оскорбленій), къ которымъ прибѣгали поляки, не въ силахъ были заглушить въ великихъ послахъ горячую любовь ихъ къ русскоѣ землѣ. Въ то время, какъ другіе участники посольства соблазнялись милостями короля и цѣловали крестъ ему, Филаретъ Никитичъ съ Голицынымъ рѣшили лучше претерпѣть всѣ муки польскаго плѣна, чѣмъ продать свою вѣру и отечество. Не надѣясь сломить упорство московскихъ пословъ, король Сигизмундъ распорядился, наконецъ, арестовать ихъ и отправить въ ссылку въ разныя мѣста польскаго королевства. Долгіе годы томились русскіе послы въ польскоѣ неволѣ, много горькихъ ми-

нуть имъ тамъ пришлось пережить, а нѣкоторые же изъ нихъ въ Польшѣ окончили и жизнь свою.

Пока Филаретъ Никитичъ со своими товарищами по посольству исполнялъ соборное порученіе, въ Москвѣ произошло одно очень важное событіе: боярское правительство, въ виду близости Тушинскаго Вора, впустило въ Кремль польскій гарнизонъ, и русская столица съ того времени перешла въ руки поляковъ. Надменное отношеніе польскаго гарнизона къ москвичамъ скоро побудило послѣднихъ раскаяться въ излишней довѣрчивости полякамъ и въ своей присягѣ Владиславу. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ больше убѣждался русскій народъ въ вѣроломствѣ польскаго короля и въ необходимости порвать съ нимъ всякія сношенія. Отовсюду въ Москву шли извѣстія о насиліяхъ и притѣсненіяхъ отъ поляковъ. О томъ же, какъ можно догадываться, писали въ русскіе города и московскіе послы изъ подъ Смоленска. Подъ вліяніемъ всего этого разочарованіе въ кандидатурѣ Владислава охватило почти все русское общество, присягнувшее раньше королевичу. А когда въ концѣ 1610 года Тушинскій Воръ былъ убитъ на охотѣ, въ московскомъ государствѣ началось уже открытое движеніе противъ поляковъ и Владислава, такъ какъ большинство русскихъ присягнуло послѣднему только изъ боязни втораго самозванца.

Болѣе всѣхъ потрудился въ это тяжелое для Руси время знаменитый русскій патріотъ, патріархъ Гермогенъ. Еще при царѣ Шуйскомъ Гермогенъ являлся для современниковъ образецъ вѣрности и патріотизма. А когда московскіе бояре выдвинули кандидатуру Владислава, то патріархъ Гермогенъ одинъ возражалъ противъ иноземнаго царя. Теперь же, когда русская земля почувталась на краю гибели, патріархъ рѣшилъ выступить на защиту своей родины особенно энергично. Онъ немедленно пишетъ и разсылаетъ по всѣмъ городамъ грамоты,

въ которыхъ разрѣшаетъ народъ отъ присяги Владиславу и горячо призываетъ русскихъ людей подняться противъ поляковъ для спасенія московскаго государства и вѣры православной. Голосъ уважаемаго патріарха палъ на подготовленную почву. Изъ разныхъ городовъ русскихъ двинулось къ Москвѣ огромное войско для борьбы съ поляками. Во главѣ этого (перваго) ополченія стоялъ рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ. Скоро къ нему присоединились казаки съ атаманомъ Заруцкимъ и бывшіе тушинцы во главѣ съ княземъ Трубецкимъ. Составилась очень внушительная армія. Къ несчастью, среди этой разнородной массы вскорѣ же начались раздоры. Казаки начали враждовать съ служилыми. Эта вражда все усиливалась и въ концѣ концовъ завершилась вѣроломнымъ убійствомъ казаками предводителя служилыхъ Ляпунова. Первое ополченіе послѣ этого распалось, и Москва попрежнему осталась въ рукахъ поляковъ, да измѣнниковъ — бояръ.

Кромѣ неудачи съ первымъ земскимъ ополченіемъ на русскую землю обрушились въ это время и другія бѣдствія: палъ Смоленскъ послѣ долгой и упорной осады, шведы захватили Новгородъ, явился третій самозванецъ и т. д. Русское государство погибало совсѣмъ.

Въ эту критическую минуту снова раздается голосъ печальника русской земли — патріарха Гермогена, зовущаго русскихъ людей на новую попытку спасти родное отечество. Этотъ голосъ идетъ уже не изъ патріаршихъ палатъ, а изъ тѣснаго подземелья Чудова монастыря, куда патріархъ былъ заточенъ поляками за свою ревность по вѣрѣ и родинѣ. Пользуясь временнымъ ослабленіемъ своего заключенія, патріархъ Гермогенъ шлетъ послѣднюю свою грамоту къ русскому народу, адресованную главнымъ образомъ въ Нижній-Новгородъ. Эта грамота Гермогена послужила толчкомъ къ новому общеземскому (нижегородскому) ополченію, которое и спасло

московское государство отъ грозившей ему гибели. По почину земскаго старосты Кузьмы Минина нижегородцы, какъ одинъ челоѣкъ, встали на защиту Москвы, при-привлекли къ этому дѣлу и другіе русскіе города и двинули къ Москвѣ большую армію сильно воодушевленныхъ русскихъ воиновъ, во главѣ съ кн. Д. М. Пожарскимъ. Подъ Москвой къ нижегородскому ополченію, послѣ нѣкотораго колебанія, пристали и казаки. Поляки съ русскими боярами засѣли въ Китай—городъ и Кремль и рѣшили отбиваться отъ войска Пожарскаго. Но отбиться имъ не удалось: 26 октября 1612 г. Кремль былъ взятъ русскими, и Москва была спасена.

Первымъ дѣломъ освободителей Москвы, по очищеніи ея отъ поляковъ, было какъ можно скорѣе избирать всей землей истиннаго русскаго царя и положить тѣмъ конецъ московской смутѣ. Съ этой цѣлью изъ Москвы были разосланы во всѣ русскіе города грамоты, призывавшія выборныхъ, лучшихъ людей на земскій соборъ въ Москву. Въ январѣ 1613 года выборные отъ городовъ съѣхались въ столицу и начали обсуждать вопросъ о новомъ царѣ. На этомъ соборѣ были представители всѣхъ сословій московскаго государства—и духовенства, и дворянства, и крестьянства, и казачества.

Прежде чѣмъ говорить о кандидатурѣ того или другаго лица, соборъ 1613 г. предворительно постановилъ, что изъ иноземцевъ царя не выбирать, а выбирать его непременно изъ русскихъ боярскихъ родовъ. Затѣмъ члены собора приступили и къ самому избранію. Разными группами и отдѣльными лицами было выставлено нѣсколько кандидатовъ—М. Ѳ. Романовъ, кн. Голицынъ, кн. Метиславскій, кн. Воротынскій, кн. Трубецкой и даже кн. Пожарскій. Но никто изъ указанныхъ кандидатовъ—князей не встрѣтилъ общаго сочувствія собора. Всеобщее вниманіе привлекла кандидатура самого младшаго—Михаила Ѳеодоровича Романова, на которомъ сошлись въ концѣ концовъ всѣ партіи.

7 февраля 1613 г. земскій соборъ единодушно высказался за избраніе на московскій престолъ Мих. Θεод. Романова. Окончателное же избраніе отложили на нѣкоторое время, чтобы успѣть навести справки, какъ думаютъ рядовые люди на счетъ избранія новаго царя. Справки эти обнаружили полную солидарность московскаго населенія съ земскихъ соборомъ, — и 21 февраля 1613 г. выборные люди, собравшись въ Успенскомъ соборѣ, единогласно избрали царемъ русскимъ Михаила Θεодоровича Романова.

Много было причинъ, по которымъ земскій соборъ 1613 г. остановилъ свой выборъ на кандидатѣ изъ фамиліи Романовыхъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Русскій народъ всегда глубоко чтилъ родственныя связи, особенно въ дѣлѣ преемства верховной власти. Мих. Θεод. Романовъ, какъ самый близкій родственникъ по крови послѣднему царю изъ рода Рюрика, былъ въ его глазахъ, поэтому, самымъ достойнымъ преемникомъ Θεодора Ивановича. Далѣе, семья Романовыхъ по своимъ государственнымъ заслугамъ принадлежала къ одной изъ самыхъ почетнѣйшихъ и заслуженныхъ фамилій московскаго государства. Предки царя Михаила искони служили московскимъ князьямъ, раздѣляя съ ними горе и радость. За свои симпатичныя душевныя качества, за простату и доброту, Романовы всегда пользовались при этомъ и большою популярностью въ народѣ. Затѣмъ, оказала большое вліяніе на членовъ собора и та бѣдственная судьба, которая постигла Романовыхъ въ царствованіе Бориса Годунова. Русскіе люди поражены были жестокимъ гоненіемъ всѣми любимой семьи и съ еще большими симпатіями стали относиться къ Романовымъ. Не мало, конечно, помогла Михаилу Θεодоровичу въ 1613 году и самоотверженная дѣятельность его отца, Филарета Никитича, подъ Смоленскомъ, а также и тѣ лишенія, которыя онъ претерпѣвалъ тогда въ польскомъ

плѣну. Наконецъ, самая молодость Михаила послужила мотивомъ за избраніе именно его, а не другого кандидата. Будучи несовершеннолѣтнимъ, онъ не принималъ участіяхъ въ событіяхъ смуты, а слѣдовательно сохранилъ свою честь незапятнанной никакой измѣной русскому дѣлу, никакими партійными распрями, — въ чемъ были повинны другіе кандидаты на престолъ. На немъ, какъ на нейтральномъ, и сговорились въ конѣ соборныхъ совѣщаній вожди враждовавшихъ между собою партій.

Михаила Феодоровича, въ моментъ избранія его на престолъ, не было въ Москвѣ. Освободившись отъ польскаго плѣна 26 октября 1612 г., онъ съ матерью своей, инокиней Марѳой, уѣхалъ изъ Москвы въ свою костромскую вотчину Домнино, откуда, въ виду постоянной опасности отъ бродившихъ тамъ польскихъ шаекъ, вскорѣ переселился въ Ипатьевскій монастырь, близъ Костромы. Сюда, въ Ипатьевскій монастырь, прибыло 14 марта и великое посольство отъ земскаго собора съ приглашеніемъ Михаила на царство. Инокиня Марѳа и Михаилъ долго отказывались отъ принятія престола. „Съ гнѣвомъ и плачемъ“ указывали они на всеобщее броженіе въ гесударствѣ и на малодушіе и непостоянство русскихъ людей, запятнавшихъ себя въ смутное время измѣной. Боялась инокиня Марѳа и того, какъ бы поляки, узнавши о воцареніи ея сына, не сдѣлали какого зла Филарету Никитичу, находившемуся еще въ польской неволѣ. Встрѣтивъ рѣшительной отказъ со стороны Михаила и его матери, великіе послы прибѣгнули къ угрозѣ судомъ Божиимъ. Они сказали, что если, вслѣдствіе отказа Михаила отъ престола, Русь и вѣра православная погибнутъ, то въ отвѣтъ предъ Богомъ за это будетъ сама Марѳа Ивановна съ Михаиломъ Феодоровичемъ. Угроза по дѣйствовала на вѣрующую инокиню, и Михаилъ Феодоровичъ былъ, наконецъ, благословленъ ею на цар-

скій престолъ. 2-го мая новоизбранный царь, при всеобщемъ ликованіи, прибылъ въ столицу, а черезъ два мѣсяца слишкомъ (11 іюля) торжественно вѣнчался на царство по древнему московскому чину.

Такъ совершилось вступленіе на русскій престолъ перваго царя изъ династіи Романовыхъ.

Тяжелы были условія, въ которыхъ пришлось дѣйствовать первымъ царямъ новой династіи. Не сразу успокоилось русская земля отъ ужасовъ смуты, — долго еще тревожили ее и внѣшніе враги, и внутренніе „воры“ и съ большими усиліями заживлялись язвы внутренней, соціальной розни. Но при поддержкѣ русскаго общества цари этой династіи съ честью вышли изъ всѣхъ затруднительныхъ положеній. Московское государство мало-по-малу оправилось отъ бѣдствій смутнаго времени, ожило, и русскіе цари не только удержали въ своихъ рукахъ имѣвшуюся уже землю, но и въ высшей степени расширили ее. Уже при царѣ Алексіѣ къ московскому государству была присоединена часть югозападныхъ русскихъ областей, съ городомъ Кіевомъ во главѣ. При слѣдующихъ государяхъ Русь становится все сильнѣе и сильнѣе, непрерывно раздвигая свои границы во всѣ стороны, за счетъ ослабѣвшихъ сосѣдей. Особенно усилилось она при Петрѣ I, Екатеринѣ II и Александрѣ I. Изъ московскаго царства Русь превращается въ Всероссійскую имперію, раскинувшуюся по необъятнымъ пространствамъ Европы и Азіи. Предѣлы этой имперіи достигаютъ береговъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго морей, а въ Азіи доходятъ даже до Великаго океана. Изъ скромной, малоизвѣстной европейцамъ Московіи Россія становится одной изъ самыхъ вліятельныхъ великихъ державъ, обладая временами гегемоніей надъ всей западной Европой. Конечно, приходилось переживать русскому государству за эти триста лѣтъ и бѣдствія разнаго рода, каково напр., испытаніе 1812 г., но

сильный морально русский народъ, при единодушii высшихъ и низшихъ слоевъ его, не только мужественно переносилъ эти бѣдствiя, но и почерпалъ въ нихъ новыя силы для своего дальнѣйшаго развитiя, какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго.

С. Некрасовъ.

Мѣры для надлежащей постановки воспитательнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ Корчевскаго уѣзда.

(Окончаніе *).

Отсутствіе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенiя всякихъ принциповъ воспитанiя или же руководство, въ воспитательныхъ цѣляхъ, принципами не тѣми, какіе завѣщаны великими нашими русскими педагогами, а другими новыми, идущими въ разрѣзъ съ ученiемъ и преданiемъ нашей православной церкви, и порождаютъ то уродливое явленіе, что, вмѣстѣ съ развитiемъ умственнаго просвѣщенiя, распространяется нравственное невѣжество и развращеніе.

Указать на это ненормальное и крайне нежелательное явленіе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенiя у насъ, въ Россіи, весьма своевременно. И нужно искренно благодарить Верховнаго Руководителя жизни нашего русскаго православнаго народа, Котораго единое слово должно подвинуть на надлежащій путь рѣшеніе назрѣвшаго вопроса.

Не знаемъ и потому не можемъ судить о томъ, какъ отвѣтили на вышеизложенное распоряженіе учебнаго начальства въ другихъ мѣстахъ; отмѣтимъ для примѣра, то, что сдѣлано въ этомъ отношенiи въ Корчевскомъ уѣздѣ. Предъ нами—циркулярное распоряженіе Корчевскаго уѣзднаго училищнаго Совѣта, отъ 9-го сентября 1912 года, за № 1032, каковое разослано всеѣмъ о.о.

*) См. № 7-й.

законоучителямъ и г.г. учащимъ начальныхъ училищъ Корчевскаго уѣзда, и каковое неизлишнимъ считаемъ изложить здѣсь полностію.

„Находя необходимымъ изысканіе мѣръ къ улучшенію религіознаго и нравственнаго воспитанія учащихся въ начальныхъ училищахъ гор. Корчевы и Корчевскаго уѣзда, Корчевской училищный Совѣтъ призналъ вмѣстѣ съ симъ, что главнѣйшимъ условіемъ успѣшности проведенія въ жизнь мѣръ такого рода является единодушное и живое желаніе со стороны о.о. законоучителей и учащихся содѣйствовать осуществленію этой цѣли всѣми имѣющимися у нихъ средствами.

Имѣя въ виду, что на подростящее поколѣніе оказываетъ вліяніе не только школа, но и окружающая жизнь, Совѣтъ находитъ, что въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей главная роль, безспорно, должна принадлежать о.о. законоучителямъ, имѣющимъ возможность оказывать свое вліяніе не только на школьную, но и на семейную жизнь учащихся своимъ совѣтомъ и воздѣйствіемъ на ихъ родителей.

Въ этихъ видахъ Совѣтъ выражаетъ пожеланіе:

1) Чтобы о.о. законоучители, слѣдя за нравственностію учащихся въ школѣ, оказывали бы вліяніе и на родителей учащихся, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ обнаружались лѣность или дурныя наклонности, и такимъ образомъ общими усиліями способствовали бы ихъ исправленію.

2) Чтобы, помимо классныхъ уроковъ, удѣляли, по возможности, время на бесѣды съ учащимися по разнымъ вопросамъ ихъ обыденной жизни, дѣлая имъ указаніе и совѣты: не курить, не сквернословить и пр.

3) Чтобы хотя разъ въ недѣлю передъ началомъ урока прочитывали соотвѣтствующее дню Евангеліе съ объясненіемъ его.

4) Чтобы настойчиво разъясняли родителямъ о необходимости посылать дѣтей въ школу непременно на второй день послѣ мѣстныхъ храмовыхъ праздниковъ, обычно празднуемыхъ въ деревняхъ въ теченіе трехъ и болѣе дней и сопровождающихся разгуломъ и пьянствомъ.

5) Чтобы конечною и главнѣйшею цѣлью обученія Закону Божію ставилось твердое усвоеніе учащимися основныхъ началъ нравственности христіанской, которыя могли бы служить имъ руководствомъ въ жизни.

6) Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ школахъ устраиваются чтенія съ туманными картинами, желательно, чтобы о.о. законоучители также участвовали въ этомъ чтеніи на религіозно-нравственныя темы.

Совершенно въ томъ же направленіи и заодно съ законоучителями должна проходить учебно-воспитательная дѣятельность учителей и учительницъ: народная школа есть заведеніе не только образовательное, но и воспитательное, а потому на учащихся лежитъ нравственная отвѣтственность за результаты выполненія той и другой изъ задачъ, предъявляемыхъ школѣ. Для нихъ, поэтому, святой долгъ стараться воспитывать ввѣренныхъ имъ дѣтей и словомъ и своимъ примѣромъ въ духѣ религіи, любви къ родинѣ и своему Государю.

Въ этихъ видахъ Училищный Совѣтъ предлагаетъ учащимъ къ исполненію:

1) Каждый учебный день начинать молитвою. Ученикъ или ученица читаетъ утреннія молитвы, порядокъ которыхъ устанавливаетъ законоучитель на весь учебный годъ. Послѣдній урокъ также заканчивается молитвою. Наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, по окончаніи утренней молитвы, учитель или учительница читываетъ Евангеліе праздничнаго дня.

2) Учащіе должны подавать примѣръ исполненія христіанскихъ обязанностей: посѣщать, по возможности, вмѣстѣ съ учащимися въ воскресные и праздничные

дни церковь, а въ Великій постъ исполнять христіанскій долгъ исповѣди и св. причащенія также вмѣстѣ съ учащимися.

3) Прилагать стараніе, чтобы въ классѣ соблюдалась должная дисциплина и порядокъ.

4) Учащіе неуклонно и настойчиво должны слѣдить, чтобы учащіеся соблюдали опрятность въ одеждѣ, чистоту рукъ и лица, усвоили бы себѣ привычку бережливо обращаться съ своими книгами и тетрадями, чтобы вели себя скромно и благопристойно, не ссорились бы и не употребляли бранныхъ выраженій, что въ деревняхъ до сихъ поръ еще, къ сожалѣнію, явленіе нерѣдкое не только среди взрослыхъ, но и среди дѣтей. Необходимо также внушать дѣтямъ, что благопристойное поведеніе для нихъ обязательно не только въ стѣнахъ школы, но и внѣ ея. Учащіе должны слѣдить за этимъ по мѣрѣ возможности.

Вмѣстѣ съ симъ Совѣтъ считаетъ полезнымъ рекомендовать учащимъ: 1) устраивать бесѣды съ учащимися на нравственныя темы: о вредѣ куренія, употребленія вина, о гуманномъ обращеніи съ животными и пр.; 2) устраивать чтенія для учащихся религіозно-нравственнаго содержанія, а также бесѣды съ ними по поводу прочитаннаго въ школѣ или на дому.

О пополненіи школьныхъ библіотекъ книгами патріотическаго и религіозно-нравственнаго содержанія Училищнымъ Совѣтомъ приняты мѣры.

Корчевской Училищный Совѣтъ цитаетъ твердую увѣренность, что учащіе употребятъ все силы и стараніе къ возможно-лучшему осуществленію основныхъ задачъ народной начальной школы — образованію и нравственному воспитанію ввѣренныхъ имъ дѣтей, а о.о. законоучители окажутъ имъ свое содѣйствіе и помощь въ великомъ и святомъ дѣлѣ народнаго образованія“.

Не будемъ входить въ подробную оцѣнку изложеннаго и дѣлать какую-либо критику тѣхъ мѣръ, какія

Корчевское учебное начальство рѣшило ввести въ школы въ воспитательныхъ цѣляхъ. По затронутому вопросу можно, конечно, многое говорить и много высказать всякихъ другихъ пожеланій. Отмѣтимъ только то главное, то желательнѣе-хорошее, что предлагается здѣсь къ проведенію въ школьную жизнь.

Изъ распоряженія Корчевскаго Училищнаго Совѣта можно видѣть, что во главу воспитательнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ Корчевскаго уѣзда ставится религіозно-нравственное начало: воспитаніе дѣтей, прежде всего, „въ духѣ религіи“ признается „святымъ долгомъ“ для каждаго педагога. Для реального осуществленія этого дѣла признается необходимымъ, во первыхъ, приучать дѣтей—школьниковъ къ надлежащей молитвѣ: приучать ихъ къ ежедневной молитвѣ въ классѣ, предъ началомъ ученія (а также и въ концѣ), подъ руководствомъ о. законоучителя и учащихся, въ извѣстномъ порядкѣ, съ прочтеніемъ и объясненіемъ св. евангелія; приучать дѣтей къ неопустительному посѣщенію Храма Божія въ воскресные и праздничные дни, къ надлежащему исполненію христіанскаго долга исповѣди и св. причащенія. Нельзя, конечно, отрицать того, что все это во многихъ школахъ исполнялось и ранѣе, но, тѣмъ не менѣе, должно признать, что это было не вездѣ, что все это было дѣломъ доброй воли благомыслящихъ учащихся и въ обязанность не ставилось. Во вторыхъ, признается необходимымъ поставить надлежащимъ образомъ преподаваніе въ школахъ Закона Божія, чтобы „конечно и главнѣйшею“ цѣлю этого преподаванія было не формальное теоретическое заучиваніе свѣдѣній изъ священной исторіи, катихизиса и богослуженія, а живое „твердое усвоеніе основныхъ истинъ нравственности христіанской, которыя могли бы служить руководствомъ въ жизни“. Для сей цѣли предлагается о.о. законоучителямъ, совмѣстно съ учащими, вести, „помимо классныхъ уроковъ“ для школьниковъ

соотвѣтствующія „бесѣды“ и „чтенія“, для чего и школьныя бібліотеки рѣшено снабдить книгами патріотическаго и религіозно-нравственнаго содержанія. Въ третьихъ, признается необходимымъ, чтобы г.г. педагоги наставляли „вѣранныхъ имъ дѣтей“ въ истинахъ вѣры и нравственности не только словомъ, но и „своимъ примѣромъ“. Примѣръ учащаго, несомнѣнно, всего важнѣе въ дѣлѣ воспитанія. Нежелательное и въ то же время обычное явленіе: дѣтей—школьниковъ заставляють ходить въ храмъ къ богослуженію, а сами педагоги не ходятъ, заставляють дѣтей исполнять долгъ исповѣди и причащенія, а сами—уклоняются; наставляютъ не курить, вино не пить и проч., а сами позволяютъ себѣ, не скрывая отъ дѣтей, и то и другое и третье... Все это деморализующе дѣйствуетъ на дѣтей и потому крайне нежелательно въ школьной жизни.

Воспитаніе дѣтей—школьниковъ на религіозно-нравственныхъ началахъ, подъ рукооодствомъ матери нашей православной церкви, несомнѣнно, повлечетъ за собою проведеніе въ школьную жизнь и другихъ началъ: „духа любви къ родинѣ и своему Государю“. Православная церковь въ теченіи тысячелѣтняго существованія нашего отечества воспитала, создала и укрѣпила наше великое Россійское государствъ, сохранила въ идеальной чистотѣ и красотѣ Самодержавіе, сохранила для блага русскихъ людей „Царя православнаго“. Означенныя начала сами собою, такъ сказать, введутся въ школьное воспитательное дѣло, если строго будутъ проводиться въ жизнь, прежде всего, религіозно-нравственныя начала.

Отрадное впечатлѣніе производитъ въ изложенномъ распоряженіи Корчевскаго Уч. Совѣта то обстоятельство, что „о. законоучитель“ (разумѣется мѣстный приходскій священникъ или, подъ его наблюденіемъ, о. діаконъ) признается главнымъ руководителемъ воспитательнаго дѣла въ школѣ, главнымъ проводникомъ религіозно-

нравственныхъ началъ въ жизнь школы. Вѣдь нельзя отрицать того, что недавно было время (да и теперь нѣтъ-ли сего?!), когда роль законоучителя въ школахъ „не духовныхъ“ сводилась къ нулю, особенно, при либеральномъ направленіи учащихся и при такой же поддержкѣ со стороны учебнаго начальства. Какъ велось направленіе учебно-воспитательнаго дѣла въ школѣ, какія книги тамъ читались дѣтьми, какія бесѣды съ ними вели учащіе, все это не касалось о. законоучителя. А теперь о. законоучителю предлагается „главная роль“ въ дѣлѣ надлежащей постановки воспитанія въ начальныхъ училищахъ (и земскихъ и министерскихъ). Конечно, остается только порадоваться этому явленію и искренно пожелать, чтобы о.о. законоучители Корчевскаго уѣзда добросовѣстно исполнили ввѣряемую имъ свѣтскимъ учебнымъ начальствомъ миссію школьныхъ воспитателей и своимъ небреженіемъ не унизили своего призванія.

Не менѣе отрадное впечатлѣніе производитъ и то указаніе, что „учебно-воспитательная дѣятельность учителей и учительницъ“ должна происходить „совершенно въ томъ-же направленіи и заодно съ законоучителями“. Нужно признать ту истину, что только при общемъ единеніи, при общемъ „единодушномъ и живомъ“ согласіи возможно успѣшное проведеніе въ жизнь „мѣръ къ улучшенію религіознаго и нравственнаго воспитанія учащихся“.

Въ заключеніе нашихъ сужденій, по поводу принятыхъ Корчевскимъ учебнымъ начальствомъ мѣръ для надлежащей постановки воспитательнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ, нельзя не коснуться и того обстоятельства, что означенныя мѣры, если только надлежащимъ образомъ будутъ проведены въ жизнь, весьма приблизятъ всѣ начальныя училища Корчевскаго уѣзда къ школамъ церковно-приходскимъ. Вѣдь тѣ же идеи, тѣ-же принципы (какіе рекомендуются здѣсь для начальныхъ училищъ) служатъ началами учебно-воспитатель-

наго дѣла и въ школахъ церковно-приходскихъ. Если произойдетъ въ дѣйствительности такое желательное и отрадное объединеніе началъ учебно-воспитательнаго дѣла, то, безъ сомнѣнія, отойдетъ въ область преданій тотъ антагонизмъ, какой въ столь недавнія времена омрачалъ отношеніе этихъ двухъ проводниковъ народнаго просвѣщенія т. е., съ одной стороны, школъ церковно-приходскихъ, а съ другой, земскихъ и министерскихъ. Всякое единеніе, всякая дружная совмѣстная работа будетъ говорить за успѣхъ дѣла. А посему объединеніе всѣхъ начальныхъ школъ уѣзда на общихъ началахъ и принципахъ, несомнѣнно, будетъ говорить за успѣхъ народнаго просвѣщенія на благо и пользу Церкви, Царя и отечества.

Предвидя это объединеніе, церковно-школьные дѣятели Корчевскаго уѣзда съ полнымъ душевнымъ удовольствіемъ привѣтствуютъ вышеизложенное распоряженіе Корчевскаго Училищнаго Совѣта и искренно желаютъ, чтобы благія начинанія не остались на бумагѣ, а скорѣе воплотились въ жизнь, въ дѣйствительность.

Корчевской уѣздный наблюдатель
ц. шк. свящ. *М. Колоколовъ.*

При семъ № прилагается 5-й листъ сочиненія—
„Предки Царя Михаила Ѳедоровича Романова“.

Содержаніе неоффициальной части. Къ 300-лѣтію царствованія Дома Романовыхъ.—Мѣры для надлежащей постановки воспитательнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ Корчевскаго уѣзда (окончаніе).

Редакторъ священникъ *М. Любскій.*

Печатать дозволяется. 18 февраля 1913 года. Цензоръ инспекторъ
семинаріи *Н. Онтлаговъ.*

Печатано въ Типографіи Н. М. Родіонова въ Твери, пресмв. М. В. Блиновъ.
Трехсвятская улица, домъ В. М. Шиканова.

выступалъ въ это время противъ Литвы и съ оружіемъ въ рукахъ, въ качествѣ воеводы. Такъ въ 1502 г. мы видимъ его въ числѣ ожидающихъ Смоленскъ, хотя и безуспѣшно—вслѣдствіе мужества королевскихъ воеводъ—Станислава Кишки и намѣстника короля—Сологуба ¹⁾).

Въ 1504 году Яковъ Захарьевичъ присутствовалъ при составленіи духовной грамоты вел. кн. Ивана Васильевича и подписался третьимъ бояриномъ, послѣ тѣхъ-же князей—Холмскаго и Щеняти²⁾).

Въ послѣдній разъ находимъ указаніе на дѣятельность боярина Якова Захарьевича подъ 1508 годомъ. Въ этомъ году Яковъ Захарьевичъ три раза отправлялся вел. кн. Василиемъ Ивановичемъ вмѣстѣ съ другими воеводами „литовскіе земли воевати“—сначала въ сентябрѣ мѣсяцѣ ³⁾, потомъ—въ апрѣлѣ ⁴⁾, и, наконецъ, въ маѣ ⁵⁾. О результатахъ первыхъ двухъ походовъ лѣтописи ничего не говорятъ—повидимому, они кончились ничѣмъ. О послѣднемъ походѣ лѣтопись говоритъ подробнѣе: вел. кн. Василій Ивановичъ посылаетъ нѣсколькихъ воеводъ, изъ разныхъ городовъ, воевать литовскія земли „за королево неисправленіе“, указываетъ даже мѣсто, гдѣ нужно воеводамъ сойтись—„къ Оршѣ“ и т. д. Но и этотъ походъ былъ не особенно удаченъ—русскіе воеводы такъ и не встрѣтились съ литовскимъ войскомъ: „а великаго князя воеводы, воевавши литовскую землю, поидоша въ свою землю, а король пошелъ къ Смоленску“ ⁶⁾. Годъ смерти Якова Захарьевича показывается различно. По послужному списку онъ умеръ въ 1511 году ⁷⁾, а по „Описанію царск. пресвѣтл. прарод.“—въ 1503 году („Лѣта 7011, марта въ 15 день представися рабъ Божій Іаковъ Захарьичъ“) ⁸⁾. Конечно, первое извѣстіе достовѣрнѣе, такъ какъ мы видѣли Якова Захарьевича живымъ еще въ 1508 г., когда онъ ходилъ воевать литовскія земли.

Жену Якова Захарьевича звали Ириной. Изъ какого рода она—неизвѣстно. Болѣе того, что есть въ вышеупомянутой грамотѣ вел. кн. Ивана III къ Судимонту, мы не знаемъ о женѣ Якова Захарьевича.

О третьемъ, младшемъ сынѣ Захарія Ивановича, Василии Захарьевичѣ Ляцкомъ, не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Эту фамилію сдѣлалъ извѣстной лишь сынъ Василія Захарьевича, Иванъ Васильевичъ Ляцкой,—но о немъ скажемъ послѣ.

¹⁾ Сб. и. р. и. о., XXX, 336—339; Карамз., VI, 374.

²⁾ Собр. г. гр. и д., I, 400.

³⁾ П. С. Р. Л., VI, 52; VIII, 24; XIII, 6.

⁴⁾ Ibid., VI, 53; VIII, 249; XIII, 9.

⁵⁾ Ibid., VIII, 249.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Др. Р. В., XX, 15.

⁸⁾ Снег., Н. М., 126 (д. ст.).

VI.

Въ лицѣ шестого поколѣнія (Захарьины) предки царя Михаила становятся значительно ближе къ носителю верховной власти. Усилившись количественно, Захарьины одновременно поднимаютъ и свое служебное положеніе, являясь всюду—и на военномъ поприщѣ, и въ дипломатическихъ дѣлахъ первой половины XVI вѣка—одними изъ главныхъ, отвѣтственныхъ и способныхъ дѣятелей. Довѣріе, которымъ пользуются Захарьины у московскихъ государей, отчасти зависитъ отъ того, что они—нерюриковского корня, и, слѣдовательно, должны были казаться гораздо преданнѣе и скромнѣе своихъ соперниковъ по службѣ—удѣльныхъ князей, помнившихъ свое происхожденіе и родовыя права на обладаніе русской землей. А къ половинѣ XVI вѣка московскіе государи уже вполне убѣдились, какъ нелегко титулованнымъ и нѣкогда могущественнымъ слугамъ ихъ порвать съ своимъ славнымъ прошлымъ. Поэтому-то московскіе государи и начинаютъ замѣтно приближать къ себѣ этихъ Захарьиныхъ, какъ такихъ бояръ, которые уже по самому происхожденію своему не могли раздѣлять тѣхъ политическихъ претензій и утопическихъ мечтаній, какія невольнo витали у бояръ—князей, происходившихъ отъ одного предка съ московскими государями. Постепенное возвышеніе Захарьиныхъ въ первой половинѣ XVI вѣка завершилось тѣмъ, что они вступили въ ближайшее родство съ московскою династіей, благодаря браку царя Ивана Грознаго съ дочерью Романа Юрьевича Захарьина, Анастасіей. Но выгодами этого родства съ верховной властью воспользовалось уже слѣдующее поколѣніе, такъ какъ ко времени перваго брака Ивана Грознаго (1547) изъ представителей шестого поколѣнія былъ живъ одинъ лишь Григорій Юрьевичъ Захарьинъ.

Къ шестому колѣну предковъ дома Романовыхъ относятся прежде всего дѣти Юрья Захарьевича, его шесть сыновей—Василій, Михаилъ, Иванъ, Романъ, Григорій и Семень Юрьевичи Захарьины и дочь Θεодосія Юрьевна Захарьина. Придерживаясь прежняго порядка, мы остановимъ свое вниманіе прежде всего на томъ изъ сыновей Юрья Захарьевича, который сдѣлался прямымъ предкомъ дома Романовыхъ. Такимъ былъ четвертый сынъ Юрья Захарьевича Романъ Юрьевичъ Захарьинъ, родной прадѣдъ царя Михаила Феодоровича, сообщившій и потомкамъ своимъ отъ своего имени фамилію Романовыхъ.

Къ сожалѣнію, объ этомъ предкѣ царя Михаила мы имѣемъ очень мало точныхъ свѣдѣній. Сохранились лишь общія указанія на знатное общественное положеніе Романа Юрьевича, на принадлеж-

ность его къ высшему свѣту. Последнее обстоятельство подтверждается уже тѣмъ, что на дочери его женился самъ московскій государь, Иванъ Грозный. Иностранецъ Масса называетъ Анастасію Романовну, первую московскую царицу, даже „дочерью одного князя знатнаго происхожденія“, (1) хотя Романъ Юрьевичъ и не былъ княземъ на самомъ дѣлѣ. О близости Романа Юрьевича къ великокняжескому двору Масса выражается еще опредѣленнѣе: „отецъ ея (царицы Анастасіи) Романъ Захарьевичъ (вмѣсто Юрьевичъ) былъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ великому князю“ (2).

В. О. Ключевскій также отводитъ Роману Юрьевичу почетное мѣсто среди московскихъ бояръ: „въ началѣ XVI вѣка, говоритъ онъ, видное мѣсто при дворѣ занималъ бояринъ Романъ Юрьевичъ Захарьинъ“ (3). Ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ историческихъ памятникахъ мы не находимъ указаній на то, что Романъ Юрьевичъ имѣлъ боярскій санъ. Въ боярскихъ спискахъ (Послужной списокъ... Др. Р. В., XX) онъ совсѣмъ не значится почему-то, а по никоновской лѣтописи Анастасія Романовна, по случаю своего выхода замужъ за Грознаго, названа всего лишь дочерью „окольного“ Романа Юрьевича Захарьина (4). Принимая во вниманіе, что Романъ Юрьевичъ умеръ ранѣе свадьбы своей дочери Анастасіи, и что въ надгробной надписи онъ не помѣченъ бояриномъ, мы должны заключить, что боярскаго чина онъ вовсе не имѣлъ, и умеръ просто окольнымъ. Что же касается того, что Ключевскій назвалъ Романа Юрьевича всетаки бояриномъ, то нужно замѣтить, что этотъ историкъ, какъ онъ самъ сознается въ другомъ мѣстѣ, употребляетъ слово „бояринъ“ „не въ томъ значеніи, какое оно имѣло на официальномъ московскомъ языкѣ XVI вѣка“, а „въ условномъ смыслѣ верхняго слоя многочисленнаго военно-служилаго класса въ московскомъ государствѣ“ (5). Ключевскій назвалъ Романа Юрьевича бояриномъ, значить, лишь въ смыслѣ принадлежности его вообще къ высшему правящему кругу. Смерть Романа Юрьевича послѣдовала въ 1543 г., за четыре года, слѣдовательно, до брака его дочери Анастасіи. „Лѣта 7051, февраля въ 16 день преставися рабъ Божій Романъ Юрьевичъ Захарьинъ“ (читаемъ мы въ „Опис. царск. пресв. прарод.“ (6).

Вотъ все, что можно сказать о Романѣ Юрьевичѣ Захарьинѣ. Свѣдѣній о конкретныхъ фактахъ его государственной дѣятельности мы почти не имѣемъ, если не считать отрывочныхъ и темныхъ ука-

1) Оказ. М. и Г., 12.

2) Ibid.

3) Ключевскій.—К. р. и., III, 79.

4) П. С. Р. Л., XIII, 453.

5) Ключевскій.—К. р. и., II, 180.

6) Снег.—Н. М., 127 (д. ст.).

заній на его участіе въ разныхъ военныхъ походахъ 1531 г. въ качествѣ воеводы 1).

Жену Романа Юрьевича звали Ульяной Ѳеодоровной. О ней извѣстно прежде всего то, что она въ качествѣ боярыни, вмѣстѣ съ женами Данилы Романовича и Никиты Романовича, была „у постели“ на свадьбѣ кн. Юрья Васильевича, брата царя Ивана Грознаго, въ 1548 году 2). Затѣмъ, существуетъ преданіе о посѣщеніи Ульяны Ѳеодоровны св. Геннадіемъ Костромскимъ и о предсказаніи послѣднимъ ея дочери Анастасіи царственного супружества. Въ житіи указаннаго святого объ этомъ посѣщеніи говорится такъ: „Нѣкогда же случися святому пріити въ Москву, и пріять былъ честно отъ боярыни 3) Іуліаніи Ѳеодоровны, жены Романа Юрьевича, благословенія ради чадъ ея, Данила и Никиты, и дщери ея, Анастасіи Романовны“. Послѣдней, далѣе, и предсказывается царственная будущность 4).

Гостепріимное радушіе и глубокое почитаніе, съ какими Ульяна Ѳеодоровна отнеслась, по преданію, къ костромскому святому, свидѣтельствуютъ о весьма набожномъ настроеніи бояръ Кошкиныхъ—Захарьиныхъ.

Предъ смертью Ульяна Ѳеодоровна приняла монашество съ именемъ Анастасіи 5). Время кончины ея неизвѣстно. Прахъ ея поκειται въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ 6).

Существуетъ предположеніе (Студенкина), что Романъ Юрьевичъ былъ женатъ два раза, и что Ульяна Ѳеодоровна была второй его женой. Первую же жену его звали Варварой,—причемъ это и была будто-бы та Варвара „Юрьева жена Захарьина“, которая упоминается въ 1526 году на свадьбѣ вел. кн. Василія Ивановича въ роли свахи, такъ какъ, по мнѣнію Студенкина, эта Варвара не могла быть ни женой Юрья Захарьевича, ни другого кого изъ Захарьиныхъ, кромѣ Романа Юрьевича. Студенкинъ готовъ даже указать и мѣсто ея погребенія—рядомъ съ Романомъ Юрьевичемъ, въ той гробницѣ, которая „безъ надписи“, по „Опис. Н. М.“ 7).

Противъ этого предположенія можно указать, однако, на то, что вышеупомянутая Варвара оба раза называется именно „Юрьевою женою Захарьина“, а не Романовой: „да съ ними жъ быти въ свахахъ князь Ивановъ Шуйскаго княгиня Авдотья, да Юрьевъ женя Малова

1) Сборн. Селиф., 100, 285.

2) Др. Р. В., XIII, 37.

3) Слово „боярыня“ въ приложеніи къ Ульянѣ Ѳеодоровнѣ означаетъ здѣсь, очевидно, тоже, что у Ключевского „бояринъ“ въ отношеніи Романа Юрьевича.

4) Солов., VI, 397, прим. 23.

5) Сборн. Селиф., 286.

6) Ibid.

7) Ibid., 300, прим. 9.

Варварѣ "... „А за столомъ сидѣти боярынямъ: князь Ѳедоровъ Ивановича Бѣльскаго княгиня Аннѣ..., да Юрьевѣ женѣ Захарыина Варварѣ..., да Михайловѣ женѣ Юрьева Иринѣ“¹⁾). Прочія боярыни, какъ видимъ, называются здѣсь прямо по имени своихъ мужей, а не ихъ отцовъ—почему же сдѣлано исключеніе для жены Романа Юрьевича, названной будто бы по имени свекра?! Для такого исключенія нѣтъ основаній, и подѣ „Юрьевой женой Захарыина“ нужно разумѣть жену именно Юрья Захаревича, а не Романа Юрьевича, тѣмъ болѣе что она упоминается ранѣе жены Михаила Юрьевича—Ирины, а вѣдь Михайль Юрьевичъ былъ не только старше Романа Юрьевича, но, какъ можно догадываться, пользовался, сравнительно съ послѣднимъ, и большей близостью къ великокняжескому семейству, и большей извѣстностью на государственномъ поприщѣ.

Предположеніе Студенкина, такимъ образомъ, остается необоснованнымъ,—и пока что—мы должны считать Романа Юрьевича женатымъ всего лишь одинъ разъ.

Изъ пяти братьевъ Романа Юрьевича самымъ старшимъ былъ, какъ предполагають,²⁾ Василій Юрьевичъ Захарынъ. Ни старинныя родословныя (XVI и XVII вв.), ни лѣтописи наши не говорятъ о немъ. Повидимому, онъ умеръ въ дѣтскомъ возрастѣ. Смерть его послѣдовала 15 іюля, 1497 года³⁾.

Слѣдующимъ по возрасту братомъ Романа Юрьевича былъ Михайль Юрьевичъ—ближайшій совѣтникъ вел. кн. Василія Ивановича, одинъ изъ правителей въ малолѣтство Ивана Грознаго и выдающійся дипломатъ своего времени. Это былъ самый вліятельный бояринъ изъ всѣхъ внуковъ Захарія Ивановича, затмившій своей близостью къ государю и родныхъ и двоюродныхъ братьевъ своихъ, не исключая и будущаго тестя царскаго—Романа Юрьевича. По своему привилегированному положенію въ правительственной средѣ, по своимъ дипломатическимъ способностямъ Михайль Юрьевичъ превзошелъ даже своего знаменитаго дядю Якова Захаревича.

Свою общественно-государственную дѣятельность Михайль Юрьевичъ началъ еще при жизни своего отца,—какъ полагають—съ 1494 года, когда онъ фигурируетъ уже въ роли воеводы⁴⁾.

Особенно часто мы видимъ Михаила Юрьевича на поприщѣ внѣшнихъ сношеній московскаго государства съ иностранными правительствами. Въ этой области онъ обнаруживаетъ себя достойнымъ преемникомъ своего дяди—Якова Захаревича, являясь даровитѣйшимъ ученикомъ дипломатической школы Ивана III. Въ первую по-

¹⁾ Др. Р. В., XIII, 15.

²⁾ Сборн. Селиф., 100—101, 285.

³⁾ Снег. Н. М., 126 (д. ст.).

⁴⁾ Сборн. Селиф., 100, 263, 285.

ловину своей жизни Михаилъ Юрьевичъ показывается иногда и въ военныхъ походахъ, но во вторую половину ея онъ почти не выходитъ изъ сферы дипломатіи.

Еще до полученія околичества Михаилъ Юрьевичъ ѣздилъ „посолствомъ“ въ Литву отъ вел. кн. Василія Ивановича въ 1511 г., вмѣстѣ съ дьякомъ Васильемъ Долматовымъ, для разслѣдованія разныхъ недоразумѣній и обидъ отъ „королевскихъ“ людей государевымъ людямъ¹⁾; причѣмъ въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній Михаилъ Юрьевичъ называется уже въ это время „тверскимъ дворецкимъ“²⁾. Въ 1514 году Михаилъ Юрьевичъ удостоивается званія околичаго³⁾. Затѣмъ, начинается рядъ его выступленій опять на дипломатическомъ поприщѣ,—сначала по большей части въ незначительныхъ роляхъ, а потомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ въ болѣе важныхъ и отвѣтственныхъ, и, наконецъ, мы видимъ его главнымъ, первымъ лицомъ въ дипломатическихъ переговорахъ Москвы съ границей.

Въ 1517 году Михаилъ Юрьевичъ участвуетъ въ церемоніяхъ приѣма посла отъ прусскаго магистра Альбрехта—Дитриха Шонберга: „являлъ его великому князю челомъ ударити“⁴⁾. Въ томъ же году онъ „являлъ“ вел. князю Максимилианова посла Сигизмунда⁵⁾. Въ слѣдующемъ и въ 1519 годахъ Михаилъ Юрьевичъ „являетъ“ вел. князю опять Дитриха Шонберга⁶⁾. Но въ 1517 же году мы видимъ Михаила Юрьевича участникомъ и самыхъ переговоровъ—именно переговоровъ съ послами польскаго короля—панамъ Яномъ Щитомъ и Богусемъ Боговитиновичемъ, при посредствѣ императорскаго посла Сигизмунда Герберштейна, о заключеніи мира⁷⁾.

Въ 1519 году Михаилъ Юрьевичъ, сохраняя прежнее званіе тверскаго дворецкаго, получаетъ отъ великаго князя порученіе съѣздить въ Казань по случаю смерти казанскаго царя Магмедъ-Аминя, сказать тамошнимъ жителямъ „великаго князя государя жалованіе“ и сообщить имъ великокняжескую волю о дарованіи „на Казань царемъ“ царевича Шигъ-Алея⁸⁾. Это было въ январѣ мѣсяцѣ, а въ мартѣ того же года Михаилъ Юрьевичъ вмѣстѣ съ кн. Дм. Оед. Бѣльскимъ опять ѣздилъ, по повелѣнію вел. князя, въ Казань. Цѣлю второй повѣздки его было—„сажати на царство“ казанское царевича Шигъ-Алея. „И они же ѣхавъ въ Казань, по великаго князя приказу посадиша Шигалея царя на царство апріля; а людей къ шерти приведо-

1) П. С. Р. Л., VI, 251; VIII, 252; XIII, 13; Сб. И. Р. И. О., XXXV, 492.

2) Сб. И. Р. И. О., XXXV, 492.

3) Др. Р. В., XX, 171.

4) Сб. И. Р. И. О., LIII, 6.

5) Пам. даял. сн., I, 196—197.

6) Сб. И. Р. И. О., LIII, 196—197.

7) Ibid., XXXV, 500—547.

8) П. С. Р. Л., VIII, 266; XIII, 31.

ша на томъ, что имъ быть неотступнымъ отъ государя вел. князя и до своего живота ¹⁾.

Въ 1520 г. Михаилъ Юрьевичъ принимаетъ участие въ сношеніяхъ Москвы съ послами прусскаго магистра Альбрехта—Мельхеромъ Рабенштейномъ и Юріемъ Клингенбекомъ, которыхъ онъ же и представлялъ великому князю ²⁾. Эти переговоры вел. князя московскаго съ прусскимъ магистромъ имѣли цѣлью заключеніе союза противъ польско-литовскаго короля для возвращенія исконныхъ русскихъ областей съ одной стороны, и прусскихъ земель—съ другой. Михаилъ Юрьевичъ, впрочемъ, особенно отвѣтственной роли въ этихъ переговорахъ не игралъ—она принадлежала главнымъ образомъ Юрію Малому да Шигонѣ. Михаилъ же Юрьевичъ участвуетъ въ этихъ переговорахъ лишь съ 28 апрѣля по 6-е мая по поводу присылки грамоты отъ магистра со „Степанкой“ ³⁾.

Въ томъ же году Михаилъ Юрьевичъ ведетъ переговоры съ панями Яномъ Костевичемъ и Богушемъ Боговитиновымъ, послами польскаго короля Сигизмунда Казимировича, о перемиріи ⁴⁾.

Черезъ годъ послѣ этого Михаилъ Юрьевичъ получаетъ боярское достоинство (1521) ⁵⁾. А въ слѣдующемъ году (1522) заключаетъ, послѣ долгихъ переговоровъ, перемиріе съ панями Петромъ Кишкой, Богушемъ Боговитиновымъ и Ивашкой Горностаевымъ, послами Сигизмунда Казимировича ⁶⁾.

Всѣ эти переговоры съ польско-литовскими послами, въ которыхъ принималъ участіе Михаилъ Юрьевичъ, носятъ традиціонный характеръ московской дипломатіи: московскіе дипломаты не только пользуются выработанными ихъ предшественниками внѣшними дипломатическими приѣмами, но и твердо держатся тѣхъ основныхъ принциповъ и конечныхъ цѣлей, которые были намѣчены еще во времена Ивана III. Со всей рѣшительностью и страстностью защищаютъ товарищи Михаила Юрьевича и онъ самъ идею объединенія древней Руси въ единое національное московское государство. Откуда и непрерывные споры ихъ съ поляками о Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ и др. древнихъ русскихъ областяхъ, на которыя протягивала также руку и Польша-Литва ⁷⁾.

Освободившись на нѣкоторое время отъ дипломатическихъ обязанностей послѣ перемирія, заключеннаго въ 1522 году съ польско-литовскимъ королемъ, Михаилъ Юрьевичъ отправляется въ казанскій

¹⁾ Ibid., VIII, 267.

²⁾ Сб. И. Р. И. О., LIII, 183, 203—208, 226.

³⁾ Ibid., 203—208.

⁴⁾ Ibid., XXXV, 576—596.

⁵⁾ Др. Р. В., XX, 20.

⁶⁾ Сб. И. Р. И. О., XXXV, 621—642.

⁷⁾ Ibid., 509, 583, 584, 630 и др.

походъ 1524 года. Это было, судя по имѣющимся даннымъ, послѣднимъ выступленіемъ Михаила Юрьевича на военномъ поприщѣ, послѣ чего онъ всецѣло посвятилъ свою жизнь административной и дипломатической дѣятельности. Казанскій походъ 1524 года былъ предпринятъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе „неисправленія“ казанцевъ. Этотъ походъ былъ грандіозенъ: войско московское было отправлено „въ судѣхъ и конми“, съ массою большихъ и малыхъ воеводъ, среди которыхъ было однихъ потомковъ Андрея Кобылы пять человекъ (Михаилъ Юрьевичъ, Ив. Вас. Ляцкой, Вас. Андр. Шереметевъ, Фед. Сем. Колычевъ и Ив. Вас. Лошаковъ) ¹⁾. Михаилъ Юрьевичъ былъ въ судовой рати третьимъ воеводой въ большомъ полку, послѣ князей Бѣльскаго и Горбатаго ²⁾. Такое „крѣпкое и грозное воинство великое“—по словамъ лѣтописи—произвело панику въ Казани: „злочестивый“ царь казанскій, будучи освѣдомленъ о немъ, „съ великимъ срамомъ побѣже исъ Казани“ ³⁾. Результаты похода были самые благое—казанцы „добыша челомъ великаго князя воеводамъ да и шерть дали на всей воли государя великаго князя“ ⁴⁾.

Черезъ два года послѣ этого похода, въ 1526 году, Михаилъ Юрьевичъ снова появляется на дипломатическомъ поприщѣ—онъ ведетъ переговоры уже съ знакомыми ему послами Сигизмунда Казимировича, Петромъ Кишкой и Богушемъ Боговитиновымъ, о заключеніи болѣе или менѣе продолжительнаго мира. Благодаря посредничеству пословъ императора, папы и эрцгерцога Фердинанда, миръ между Москвой и Польшей, дѣйствительно, былъ заключенъ—и на цѣлыхъ шесть лѣтъ ⁵⁾.

Параллельно съ дипломатической дѣятельностью Михаила Юрьевича увеличивается и значеніе его, какъ придворнаго сановника и совѣтника великаго князя Василія Ивановича. Еще задолго, очевидно, до кончины послѣдняго между великимъ княземъ и Михаиломъ Юрьевичемъ образовалась та нѣжная дружба, которая обнаружилась во всей полнотѣ во время предсмертной болѣзни великаго князя въ 1533 году. Близость между ними замѣтна уже въ 1526 году, на свадьбѣ вел. кн. Василія Ивановича. По разрядной записи, Михаилъ Юрьевичъ участвовалъ на этой свадьбѣ въ качествѣ „другого дружки“. Онъ же долженъ былъ и „ходить передъ вел. княземъ“ во время церемоніи ⁶⁾.

Далѣе мы видимъ Михаила Юрьевича въ числѣ поручителей—„подручниковъ“ за опальныхъ бояръ, когда великому князю донесли

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, 270; XIII, 44.

²⁾ Ibid., VIII, 270.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Сб. И. Р. И. О., XXXV, 710—732.

⁶⁾ Др. Р. В., XIII, 15—16.

о намѣреніи нѣкоторыхъ бояръ сбѣжать въ Польшу. Такъ, онъ упоминается въ 1527 г. въ „подручной грамотѣ“ по дѣлу кн. Мих. Львовича Глинскаго, въ качествѣ „подручника“ предъ вел. кн. Василиемъ Ивановичемъ ¹⁾. А въ слѣдующемъ, 1528, году ему было даже поручено принимать „подручную грамоту“ по дѣлу князей Ивана (и Андрея Шуйскихъ, — причемъ Михаилъ Юрьевичъ скрѣпилъ эту грамоту своей собственной печатью ²⁾.

Послѣднее обстоятельство можно разсматривать, какъ новое доказательство все растущаго довѣрія вел. князя къ Михаилу Юрьевичу.

Въ 1533 году Михаилъ Юрьевичъ фигурируетъ на свадьбѣ кн. Андрея Ивановича—„сидѣлъ за столомъ“, „противъ боярынь“, въ числѣ знатнѣйшихъ бояръ ³⁾.

Въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка Михаилъ Юрьевичъ достигаетъ наибольшаго возвышенія своего при дворѣ вел. кн. Василія Ивановича. Вмѣстѣ съ кн. Дм. Оед. Бѣльскимъ онъ представляется намъ самымъ вліятельнымъ и любимымъ бояриномъ у государя. Это видно прежде всего изъ сношеній Москвы съ Литвой въ томъ-же 1533 году. Въ виду истекавшаго перемирія между вел. кн. Василиемъ Ивановичемъ и литовскимъ королемъ Сигизмундомъ, заключеннаго въ 1526 г., и въ виду того, что вел. кн. Василій Ивановичъ, по словамъ литовцевъ, будто бы „николи пословъ своихъ къ... господарю (Сигизмунду) не слалъ, а ни миру, ни добрые змолвы учинити не хотѣлъ“, литовская рада обращается къ вышеупомянутымъ боярамъ—кн. Бѣльскому и Михаилу Юрьевичу—съ грамотой, въ которой проситъ ихъ, какъ самыхъ высокихъ сановниковъ, склонить великаго князя московскаго къ возобновленію мира между государствами. Въ этой грамотѣ Михаилъ Юрьевичъ носитъ новый титулъ—„боярина введеннаго“: „братьи и пріятелемъ нашимъ, адресуетъ свою грамоту литовская рада, князю Дмитрею Феодоровичу Бѣльскому, воеводѣ Володимерскому, а Михаилу Юрьевичу, воеводѣ и боярину уведеному“ ⁴⁾. О важномъ правительственномъ значеніи этихъ двухъ бояръ, о ихъ вліяніи на вел. кн. Василія Ивановича и на внѣшнюю политику московскаго государства мы читаемъ слѣдующее въ этой грамотѣ: „мы (паны) тежъ видячи на то, ихъ вжо и часъ близкій перемирья выходитъ..., и хотячи видѣти, абы... межъ господарей кристьянскихъ миръ и впокой былъ..., — намовивши есмо межѣ себѣ зъ братьею нашою, съ паны радами господаря нашего, умыслили есмо послати до васъ, слышачи, ижъ вы у своего господаря рада его высокая, а таковыи sprawy важныи и

¹⁾ Собр. г. гр. и д., I, 428—429.

²⁾ Ibid., 432.

³⁾ Др. Р. В., XIII, 25, 27 29.

⁴⁾ Сб. И. Р. И. О., LIX, 2.

пожиточныи господарю своему ку доброму его и земскому справуете, какъ же и тыи рѣчи можете господарю своему радити и ку доброму его приводити“ 1).

Какъ видимъ, Михайлъ Юрьевичъ, подобно своему дядѣ Якову Захарьевичу, былъ также извѣстенъ за границей. Своимъ же положеніемъ въ ближней думѣ вел. кн. Василя Ивановича (занимаетъ второе мѣсто) Михайлъ Юрьевичъ, несомнѣнно, превосходитъ своего дядю, сидѣвшаго, какъ мы видѣли, въ Думѣ на третьемъ мѣстѣ.

Близость Михаила Юрьевича ко двору особенно проявилась во время болѣзни и смерти вел. кн. Василя Ивановича въ 1533 году. Отправившись въ сентябрѣ 1533 г. со своимъ семействомъ сначала въ Троице—Сергіевскій монастырь на богомолье, а потомъ въ свою отчину Волоколамскъ „тѣшитися“, великій князь вдругъ заболѣваетъ дорогой въ селѣ Озерецкомъ и съ трудомъ—„нужно“—добирается до Волока. Здѣсь онъ перемогается сначала и даже принимаетъ участіе въ охотѣ, но потомъ окончательно сваливается въ постель. Не получая облегченія и отъ пріѣхавшихъ изъ Москвы „дохтуровъ“, вел. князь въ отчаяніи уже начинаетъ помышлять о завѣщаніи и о послѣднемъ христіанскомъ долгѣ. Въ такую минуту онъ вспомнилъ прежде всего объ отсутствующемъ Михайлѣ Юрьевичѣ и немедленно послалъ за нимъ въ Москву, тогда какъ отъ другихъ бояръ и даже отъ братьевъ своихъ вел. князь старался всячески скрыть свое критическое положеніе 2). По пріѣздѣ своемъ къ больному государю Мих. Юр. сразу же занимаетъ одно изъ самыхъ ближайшихъ мѣстъ около умирающаго вел. князя. Въ думѣ бояръ, собравшихся у постели больного для обсужденія вопроса о великокняжескомъ престолѣ и семьѣ умирающаго, Мих. Юр. занимаетъ второе мѣсто, послѣ кн. Вас. Шуйскаго 3). Во время причащенія великаго князя Михайлъ Юрьевичъ, очевидно, былъ возлѣ самаго причащаемаго, такъ какъ, вслѣдствіе слабости послѣдняго, онъ „мало же его попринялъ“ 4). Когда отъ раны вел. князя пошелъ „духъ тяжекъ“, вел. князь призываетъ къ себѣ вмѣстѣ съ „дохтурами“ и Михаила Юрьевича съ кн. Глинскимъ. Причемъ Михайлъ Юрьевичъ, „тѣшачи государя“, обратился къ нему съ совѣтомъ пустить водки въ рану: „чтобы было, государь, хотя мало болѣзни твоей облегченіе, ино бы тогда водки пустити“ 5). 3-го декабря, въ среду, у постели больного снова собрались бояре, въ числѣ коихъ былъ и Михайлъ Юрьевичъ, и слушали приказанія вел. князя на случай его смерти. Когда это общее

1) Ibid., 3.

2) П. С. Р. Л., VI, 267—268; XIII, 411.

3) Ibid., VI, 270; XIII, 412.

4) Ibid., VI, 270; XIII, 413.

5) Ibid., VI, 271.

засѣданіе бояръ кончилось, Михаилъ Юрьевичъ съ кн. Глинскимъ да Шигоной остается у вел. князя вплоть „до самыя ночи“ и ведетъ съ нимъ интимную бесѣду о великой княгинѣ Еленѣ, „како ей, безъ него быти, и како къ ней бояромъ ходити, и о всемъ имъ приказа, како безъ него царству строитися“¹⁾. Послѣ этой бесѣды Михаилъ Юрьевичъ съ Шигоной да со страпчимъ Ив. Челяднинымъ присутствуетъ при благословеніи великимъ княземъ своихъ сыновей и при прощаніи его съ женой²⁾. До самой кончины государя Михаилъ Юрьевичъ не отходитъ отъ его постели, и когда вел. князь уже лишился языка и силы дѣлать крестное знаменіе, Михаилъ Юрьевичъ помогаетъ ему поднимать руку и креститься³⁾.

Какъ видимъ, Михаилъ Юрьевичъ пользуется здѣсь исключительнымъ довѣріемъ и любовью вел. кн. Василия Ивановича.

Здѣсь же, у смертнаго одра своего государя, Михаилъ Юрьевичъ обнаружилъ еще одну существенную черту своего характера—глубокую набожность. Вел. кн. Василій Ивановичъ предъ самой смертью своей захотѣлъ постричься въ монахи. „Желаніе мое давно бысть постричься; постригите мене“—обратился онъ къ окружавшимъ его братьямъ, боярамъ и митрополиту Даніилу⁴⁾. И вотъ въ то время, какъ нѣкоторые бояре (кн. Андрей Ивановичъ, Воронцовъ и Шигона) стали возражать противъ просьбы вел. князя, указывая на вел. кн. Владимира Кіевскаго, не постригавшагося въ монахи, и тѣмъ не менѣе сподобившагося „праведнаго покоя“,—митрополитъ Даніилъ и бояринъ Михаилъ Юрьевичъ, наоборотъ, „похвалиша ему то дѣло, что добра дѣла желаетъ“⁵⁾. И не только похвалили, но, очевидно, и энергично настаивали на исполненіи его просьбы, ибо лѣтѣмъ замѣчаетъ— „и бысть промежу ими прѣ велика“⁶⁾. Побѣда осталась на сторонѣ митрополита и Михаила Юрьевича, такъ какъ вел. князь все-таки былъ постриженъ, хотя и при самомъ испусканіи имъ послѣдняго вздоха⁷⁾.

Со смертью вел. кн. Василия Ивановича, такъ благоволившаго Михаилу Юрьевичу, послѣдній не теряетъ своего вліянія въ государственныхъ дѣлахъ и, въ числѣ немногихъ бояръ, является правителемъ государства вслѣдствіе малолѣтства вел. кн. Ивана Васильевича. Это видно изъ слѣдующаго. Прежде всего, по порученію новаго великаго князя, Михаилъ Юрьевичъ и кн. Вѣльскій отвѣчаютъ

1) Ibid., 272.

2) Ibid., 272--273.

3) Ibid., 274.

4) Ibid.

5) Ibid., VI, 274; XIII, 417.

6) Ibid., VI, 274.

7) „И князь велики отхожаше, но спѣшаху стричи его“—говорится въ лѣтописн.—Ibid.

на ту грамоту отъ литовской рады, о которой мы уже говорили (адресована на имя кн. Бѣльскаго и Махаила Юр-а), и которая не застала вел. кн. Василия Ивановича въ живыхъ. Въ своей отвѣтной грамотѣ литовской радѣ кн. Бѣльскій и Михаилъ Юрьевичъ сообщаютъ, что они со своими товарищами боярами ходатайствовали предъ вел. княземъ о томъ, что писала имъ рада, и что вел. князь согласился вступить въ переговоры съ Литвой о мирѣ, для чего литовскій король долженъ прислать въ Москву своихъ пословъ и т. д. ¹⁾.

Затѣмъ, распросныя рѣчи литовскихъ лазутчиковъ и русскихъ выходцевъ, которыхъ допрашивали агенты короля Сигизмунда въ 1534 году, показываютъ, что въ періодъ малолѣтства Ивана Грознаго старшими правителями въ Москвѣ („которые зъ Москвы не мають николи зѣхати“) были: кн. Василий Шуйскій, Михайло Тучковъ, Михайло Юрьевъ сынъ Захарьинъ, Иванъ Шигона и кн. Михайло Глинскій,—„тыи всею землею справують и мають справовати до лѣтъ князя великаго; нижли Глинскій ни въ чомъ ся тымъ воеводамъ не противитъ, але што они нарядятъ, то онъ къ тому приступаетъ, а все зъ волею княгини великой справують“ ²⁾... Михаилъ Юрьевичъ указанъ, какъ видимъ, третьимъ по мѣсту бояриномъ—правителемъ.

Въ этихъ же распросныхъ рѣчахъ есть указаніе и на тѣ смуты, которыя непрерывно слѣдовали среди правящаго боярства въ малолѣтство Ивана Грознаго, и на участіе въ нихъ Михаила Юрьевича. „Ты и бояре великіи у великой невзгодѣ межи собою мѣшкають, и мало ся вжо колько—кротъ ножи не порѣзали“ ³⁾—и далѣе разсказывается, между прочимъ, объ арестѣ нѣкоторыхъ бояръ—кн. Ив. Бѣльскаго, кн. Воротынскаго и другихъ, и объ опалѣ, постигшей вмѣстѣ съ ними Михаила Юрьевича: „на поруки подавано кн. Дмитрея Бѣльскаго, и кони у него отняты, и статокъ переписанъ, такожъ Михайла Юрѣва и дьяка вел. князя Меншого Путятина“ ⁴⁾.—Здѣсь, очевидно, разумѣются тѣ аресты, которые послѣдовали за бѣгствомъ кн. Семена Бѣльскаго и Ивана Ляцкаго въ Литву, во время торжества любимца великой княгини—Телепнева—Оболенскаго ⁵⁾. Какъ видно изъ распросныхъ рѣчей, Михаилъ Юрьевичъ считался недоброжелателемъ временщика и былъ заподозрѣнъ, вмѣстѣ съ другими, въ намѣреніи тоже сбѣжать въ Литву—„а имали ихъ для того, ижъ ихъ обмовлено, ижбы были мѣли до Литвы ѣхати“ ⁶⁾.

За исключеніемъ этого случая, мы не видимъ, чтобы Михаилъ Юрьевичъ особенно увлекался борьбой придворныхъ партій въ реген-

¹⁾ Сб. И. Р. И. О., LIX, 4—7.

²⁾ А. З. Р., II, 331.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid., 333.

⁵⁾ И. С. Р. Л., VIII, 287.

⁶⁾ А. З. Р., II, 333.

ство Елены. По крайней мѣрѣ не видно рѣзкихъ конфликтовъ между нимъ и другими боярами, принимавшими участіе въ этой борьбѣ. Благодаря своему природному такту и сдержанности, Михаилъ Юрьевичъ не только не попалъ въ тюрьму или на плаху въ смутное время боярскаго правленія, но и до конца своей жизни сохранилъ авторитетъ боярина—правителя и репутацію знаменитаго дипломата.

Только за годъ всего до смерти мы видимъ Михаила Юрьевича на излюбленномъ его поприщѣ—дипломатіи. Въ 1537 году ему, какъ незамѣнимому дѣятелю въ этомъ отношеніи, поручено было тяжелое и отвѣтственное дѣло—выработку условій для вѣчнаго мира или, по крайней мѣрѣ, для перемирія Москвы съ Польшей—Литвой. Отношенія между этими давнишними соперниками въ XVI вѣкѣ сдѣлались особенно враждебными въ виду той политической программы объединенія всѣхъ древнихъ русскихъ областей подъ щитомъ Москвы, которую поставили себѣ Московскіе государи конца XV вѣка и начала XVI-го, и которую ихъ преемники считали священнымъ долгомъ выполнить, чего бы это ни стоило. Уже въ концѣ великаго княженія Ивана III, какъ мы сказали ранѣе, Москвой были объявлены притязанія на Кіевъ, Смоленскъ, Витебскъ и др. исконные русскіе города и волости. Съ тѣхъ поръ московское правительство, устами своихъ дипломатовъ, постоянно напоминало Польшѣ объ этихъ претензіяхъ, начиная каждые дипломатическіе переговоры съ представителями послѣдней стереотипнымъ объявленіемъ Кіева, Полоцка, Смоленска и др. исконной вотчиной московскаго государя, наслѣдника св. Владимира Кіевскаго. Не имѣя возможности сразу добыть намѣченные города и области, находившіеся тогда въ рукахъ польско-литовскаго короля, московская дипломатія съ поразительной настойчивостью и послѣдовательностью добивается каждый разъ удовлетворенія того минимума своихъ притязаній, который соответствовалъ тому или другому политическому моменту, тому или другому реальному соотношенію силъ обоихъ государствъ, откладывая остальные пункты своей программы на будущее время, для болѣе благоприятной минуты.

Вотъ въ это-то горячее время Михаилу Юрьевичу и выпало счастье приложить свои дипломатическія способности и практическія свойства своего ума на пользу и благо русской національной идеи. И Михаилъ Юрьевичъ съ честью выполняетъ данное ему порученіе, ни на іоту не отступаетъ отъ принятыхъ въ Москвѣ программы и приемовъ,—онъ лишь съ большей широтой и съ большей рельефностью развиваетъ тѣ традиціонныя свойства московской политики, благодаря которымъ великимъ князьямъ удалось собрать Русь въ одно цѣлое.

Самые переговоры о вѣчномъ мирѣ между Москвой и Польшей, которые велъ Михаилъ Юрьевичъ съ польско-литовскими послами, паномъ Яномъ Юрьевичемъ и др., продолжались цѣлый мѣсяцъ, съ

18 янв. по 18 февр. 1537 г. Михаилъ Юрьевичъ является въ нихъ первымъ, главнымъ лицомъ со стороны Москвы; въ товарищахъ у него были Иванъ Поджегинъ да нѣкоторые дѣяки. Съ первыхъ же словъ съ той и другой стороны о Кіевѣ стало ясно, что о вѣчномъ мирѣ между Москвой и Польшей нечего и думать. Оставалось позаботиться лишь о перемиріи,—и послѣднее состоялось только послѣ долгихъ споровъ и взаимныхъ уступокъ ¹⁾.

Глядя на то, съ какой энергіей и терпѣніемъ Михаилъ Юрьевичъ и его товарищи защищаютъ не Новгородъ или Псковъ, о которыхъ они даже отказываются и разсуждать, считая право Москвы на эти города не подлежащимъ сомнѣнію („нѣчего было того и думать, и говорити такъ много ненадобѣ“) ²⁾...,—а такія волости, какъ Себежъ, Заволочье или даже 10—верстовую полосу одной пограничной волости, ³⁾ боясь уступить хотя бы пядь добытой предками земли и стараясь, наоборотъ, выговорить въ свою пользу лишнюю версту, лишнюю деревню,—глядя на это, невольно вспоминаешь общій хозяйственный, бережливый характеръ московскихъ собирателей Руси,—этихъ „хорошихъ хозяевъ—скопидомовъ“ по мелочамъ, понемногу“, по выраженію Ключевского, ⁴⁾—для которыхъ „сберечь отцовское стяжаніе и прибавить къ нему что-нибудь новое, новую шубку построить, новое сельцо прикупить“ ⁵⁾—составляло цѣль политическаго ихъ бытія. Московскіе дипломаты пользуются всеми средствами воздѣйствія на своихъ противниковъ,—сначала торгуются изо всѣхъ силъ, ⁶⁾ затѣмъ начинаютъ угрожать прекращеніемъ переговоровъ, потомъ, дѣйствительно, прекращаютъ ихъ—и даже прощаются, хотя и притворно ⁷⁾. Когда же все это не достигаетъ цѣли, и послы литовскіе готовы уже уѣхать восвояси, москвичи подсылаютъ къ нимъ пристава „позадрати“ на счетъ того, „какъ бы они еще похотѣли на дворъ ѣхать и дѣло дѣлати“ и т. д. ⁸⁾ Споры и препирательства подчасъ были таковы, что противники должны были прерывать свои засѣданія вслѣдствіе взаимной брани и ругательствъ, напр., о засѣданіи 5-го февраля читаемъ: „спорныхъ и бранныхъ много рѣчей говорили, да разсваряся прочь пощли“ ⁹⁾. Спорили даже о томъ, кому первому нужно объявлять условія перемирія—литовцамъ или русскимъ,—и послы говорили, чтобъ бояре

¹⁾ Сб. И. Р. И. О., LIX, 70—108.

²⁾ Ibid., 74—75.

³⁾ Ibid., 87—88, 97—98.

⁴⁾ Ключевскій.—К. р. и., II, 61.

⁵⁾ Ibid., 62.

⁶⁾ Сб. И. Р. И. О., LIX, 92.

⁷⁾ Ibid., 94, 100.

⁸⁾ Ibid., 93.

⁹⁾ Ibid., 92.

имъ о перемирьѣ напередъ говорили, а бояре говорили, чтобъ послы говорили напередъ, что имъ наказъ; да о томъ много спирались, которые бы напередъ говорили¹⁾.

Эти переговоры Михаила Юрьевича съ литовскими послами (1537 г.) были послѣднимъ выступленіемъ его на государственной службѣ. Въ слѣдующемъ, 1538, году онъ скончался, какъ это видно изъ послужного списка боярь²⁾.

Въ разрядныхъ записяхъ 1526 года упоминается и жена Михаила Юрьевича—Ирина, участвовавшая въ торжествахъ по случаю свадьбы вел. кн. Василія Ивановича—„сидѣла за столомъ“ въ качествѣ боярыни³⁾. Упоминается жена Михаила Юрьевича и при погребеніи этого великаго князя въ 1534 году—находилась около великой княгини; причеиъ, однако, она названа не Ириной, а Θεодосіей⁴⁾. Ошибка-ли здѣсь лѣтописца, или Михаилъ Юрьевичъ былъ женатъ два раза—остается неизвѣстнымъ.

Третій братъ Романа Юрьевича Иванъ Юрьевичъ Захарьинъ умеръ еще въ молодости, 6 іюля, 1503 года; погребенъ онъ въ Новоспасскомъ монастырѣ⁵⁾. Болѣе ничего о немъ неизвѣстно.

Слѣдующій братъ Романа Юрьевича—Григорій Юрьевичъ Захарьинъ. Впервые онъ появляется на аренѣ общественной жизни въ 1531 году, въ качествѣ воеводы въ крымскомъ походѣ⁶⁾. Въ 1547 г. Григорій Юрьевичъ получилъ званіе боярина⁷⁾. Въ томъ же году онъ участвуетъ въ заговорѣ противъ кн. Юрія Глинскаго, котораго чернь убила якобы за волшебство и поджигательство⁸⁾. Это участіе Григорія Юрьевича въ возстаніи черни противъ Глинскихъ, подготовленномъ боярами, объясняется соперничествомъ между нимъ, какъ дядей царицы, и Глинскими, какъ временщиками. Ведя съ послѣдними борьбу за вліяніе на юнаго царя, Григорій Юрьевичъ, для большаго успѣха, входитъ въ соглашеніе съ враждебной Глинскимъ боярской партией Шуйскихъ, и въ союзъ съ ними обрушивается, какъ видимъ, на своихъ враговъ. Но, хотя Глинскіе и были разбиты, вліяніе на государя, однако, перешло послѣ этого совершенно къ другимъ людямъ—къ священнику Сильвестру и Алексію Адашеву. По этому-то личность Григорія Юрьевича послѣ этихъ событій и остается въ тѣни до самой его смерти. Впослѣдствіи онъ принялъ монашество, съ именемъ Гурія,—и умеръ 1 марта 1567 года⁹⁾.

1) Ibid., 82.

2) Др. Р. В., XX, 29.

3) Ibid., XIII, 15.

4) П. С. Р. Л., XIII, 419.

5) Снег.—Н. М., 126 (д. ст.)

6) Сборн. Селиф., 100, 269, 286.

7) Др. Р. В., XX, 34.

8) П. С. Р. Л., XIII, 455—457.

9) Снег.—Н. М., 128 (д. ст.)

Нужно признать, что Григорій Юрьевичъ во многомъ уступалъ своему брату Михаилу Юрьевичу. Несмотря на свое сравнительное долготѣіе и родство съ царемъ, онъ не оставилъ, однако, послѣ себя сколько нибудь замѣтныхъ слѣдовъ въ исторіи московскаго государства.

Извѣстна и жена Григорія Юрьевича. Звали ее Ульяной, въ схи-мѣ—Евпраксіей. Умерла она 20 марта 1563 года; погребена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ ¹⁾.

Послѣдній, самый младшій сынъ Юрья Захарьевича, Семень Юрьевичъ Захарьинъ, не упоминается ни въ древнѣйшихъ родословныхъ, ни въ другихъ старинныхъ письменныхъ памятникахъ. Его имя безъ какихъ бы то ни было датъ или другихъ біографическихъ свѣдѣній встрѣчается лишь въ позднѣйшихъ родословныхъ, какъ, напр., въ родословныхъ Крекшина ²⁾ и Студенкина ³⁾.

Архіеп. Сергій (Владим.), авторъ „Истор. описанія Москов. Знаменск. монастыря“, указываетъ на существованіе еще дочери Юрья Захарьевича, Θεодосіи Юрьевны, которая будто бы основала монастырь при Георгіевской церкви на Дмитровкѣ, возлѣ родового своего дома ⁴⁾. Ни родословныя, ни лѣтописныя сказанія ничего не говорятъ объ этой дочери Юрья Захарьевича.

Теперь обратимся къ дѣтямъ Якова Захарьевича. У него было всего два сына—Петръ и Василій. Ранняя ли смерть ихъ, или какія инныя причины помѣшали выдвинуться по службѣ преемникамъ такого знаменитаго отца, какъ бояринъ Яковъ Захарьевичъ—неизвѣстно,—но только положеніе, какое занимали Петръ и Василій Яковле-вичи въ Москвѣ, во всякомъ случаѣ было значительно ниже положенія ихъ отца.

О старшемъ Петрѣ Яковлевичѣ Захарьинѣ мы имѣемъ слѣдующія немногія свѣдѣнія. Службу свою онъ началъ съ 1494 года, участвуя въ разныхъ военныхъ походахъ ⁵⁾. Въ 1510 году „сказанъ“ окольничимъ ⁶⁾, и участвуетъ въ походѣ въ Новгородъ и Псковъ, откуда посылался великимъ княземъ въ Москву съ привѣтствіемъ и извѣщеніемъ о взятіи Пскова ⁷⁾. Получилъ-ли боярство Петръ Яковлевичъ?—на этотъ вопросъ нужно сказать слѣдующее. Послужной боярскій списокъ (Др. Р. В., XX.) представляетъ его умершимъ лишь въ чинѣ окольничаго, притомъ—въ 1522 году ⁸⁾,—но это указаніе

¹⁾ Др. Р. В., XIX, 301.

²⁾ Сборн. Селиф., 100.

³⁾ Ibid., 286.

⁴⁾ Архіеп. Сергій, 11.

⁵⁾ Сборн. Селиф., 100.

⁶⁾ Др. Р. В., XX, 15.

⁷⁾ П. С. Р. Л., IV, 288.

⁸⁾ Др. Р. В. XX, 20.